

Техничка новая

Итак, вспоминаем.

1 акт. Представление всех.

Полина – учёная, маг, отправляется в экспедицию. У неё личный конфликт, кризис тридцатилетия, конфликт с Ларин и зажирающее её контролфричество. Внешние раздражители, кроме Ларин – бывший муж Андрей и нестабильная ситуация на кафедре с очередным срачем вокруг Ларин.

Зоя – страдает от подросткового кризиса, конфликтов в семье и самоощущения. В целом линия мирная, мечтает стать писательницей, но боится гнева Полины. В целом, надо показать её немного инфантильной тепличной девочкой, которая одновременно доверчива и подозрительна

//Виктор, акт 1, во дворце

Новый вариант плана главы: Виктор попадает во дворец в сопровождении посольши, но без отца.

Цель: показать КД, ПР, Ильтира, Рёску (должна контрастировать на фоне общего уныния), Княжна и её выводок; срачливость правящего семейства и его полную политическую никчёмность.

В2

В2

Обстоятельства смерти старого князя попытались скрыть. Двор и Храм можно было понять

Вечером сразу три столичные газеты вышли с сенсационными заголовками, а бульварная газетёнка "Трибуна" напечатала на второй странице фото с трупом старика.

По ним выходило, что умер князь в дешевом бандаже и в дешевой красной маске, в дешевой почасовой квартире на том берегу. Рядом с ним, на продавленной грязной кровати, лежал парнишка-проститут с притянутыми к затлку ногами, кляпом во рту и игрушкой в анусе.

Они так и пролежали почти десять часов, прежде, чем пришла хозяйка квартиры, принесла ключи и вызвала охранение.

И уже потом охранение, порывшись в вещах покойника, поняла, кого именно они нашли.

Через сутки каждая собака в королевстве знала, как именно умер Его Королевская Светлость Евстафий из Серого Холма, дорогой дядюшка её высочества принцессы-регента. Демос пришел в восторг. Аристокристы пришли в восторг. Газеты заполнили карикатуры. Князь в гробу и в маске для утех. Королевская семья голышом и в сбруе для любовных игр несёт родственника на кладбище. Из задницы племянника покойника торчит флажок. Покойная королева Ирина с огромным straponом поигрывает плёткой и ждёт к себе в объятия "дорогую дядюшку".

Конечно, в "Королевском вестнике" ничего такого не печатали. Но отсутствие дурацких картинок Виктор не считал поводом начать официальную нуднятину.

-- В Сером Холме говорят об угасшей славе, -- Гера валялся на диване и листал "Трибуну". Кричащий заголовок на передовице обещал посчитать все деньги, что предполагалось потратить на государственные похороны, а над портретом грустной королевы Астерии заголовок нагло спрашивал, есть ли ещё в королевской крови божественная благодать.

--

Божественная благодать, она же неугасимая слава, она же

Ильтир появился при дворе год назад. Виктор не мог сказать, кто он и откуда взялся. Вроде бы из Астраты или откуда-то оттуда. Виктор знал только, что точно не из Серого Холма или Сайграда. В Сером Холме маг Ильтир никогда не р

Королева жила в маленьком летнем домике, а Старый и Новый дворцы стояли тёмными громадинами и памятниками сами себе и прошлым эпохам. Новый

На стене висело огромное, чёрное от времени полотно в раме из пыльных золотых завитков. Виктор прищурился и узнал в тёмной фигуре золотого воина. Великий Костадин Стоев, он же Золотой Воин, он же Мясник Астраты. А ещё предок Виктора по дорогой матушке.

Кто вообще его тут повесил?

На всякий случай Виктор отошел к колонне и прислонился к ней лбом.

Скандал никак не останавливался.

-- Что есть глупость, -- твёрдо сказал маг Ильтир. -- Уж простите, что-что, а демонов на момент смерти князь не призывал.

Принцесса-регент скривилась так, словно Ильтир назвал

Виктор выдохнул и встал у гроба князя. Маленькие княжичи уныло выстроились по росту, королева по бумажке затынула молитву, постоянно спотыкаясь. Её высокий голос безжизненно мазал мимо нот так, что даже Виктору быстро стало неприятно.

Девочка

Все делали вид, что

В1.

Князь Евстафий умер так же, как и жил: как идиот. В смерти старого пердуна, забывшего, что он старый пердун, в объятиях детей Девы, не было ничего необычного.

Но старик умудрился переплюнуть их всех: помер он в дешевой сбруе и в дешевой красной маске, в дешевой почасовой квартире. Рядом с ним, на продавленной грязной кровати, лежал парнишка-проститут с притянутыми к затлку ногами, кляпом во рту и игрушкой в анусе.

Они так и пролежали почти десять часов, прежде, чем пришла хозяйка квартиры, принесла ключи и вызвала охранение.

И уже потом охранение, порывшись в вещах покойника, поняла, кого именно они нашли.

Обстоятельства смерти отца первой наследницы трона сначала попытались скрыть. Виктор мог понять двор: о потере Милости говорили всё чаще, а царство было совершенно не готово к смене династии. Секретарь принцессы-регента и председатель Совета объявили о "скоропостижной сердечной болезни", и через сутки каждая собака в королевстве знала, как именно умер Его Королевская Светлость Евстафий из Серого Холма, дорогой дядюшка её высочества принцессы-регента. Кто-то продал "Старшице" фотографию тела старого князя. Тираж попытались тихо изъять, что привело к настоящему скандалу. Злочастная фотография появилась на второй полосе "Вечернего Города" и первой – "Кардиа Тесгиз".

За неделю до похорон Виктор перестал покупать газеты, чтобы не видеть одни и те же дурные карикатуры. Князь в гробу, в полковничьем мундире, маске и с прорывающей штаны эрекцией. Подпись "вечно в строю". Королевская семья голышом и в сбруе для любовных игр несёт родственника на кладбище. Из задницы племянника покойника торчит флажок со скорбным "Всем предкам жизнь сия славой". Покойная королева Ирина с огромным straponом поигрывает плёткой и ждёт к себе в объятия "дорогого дядюшку".

Так как княжна Звенислава была первой наследницей, её отцу были положены государственные похороны с публичным прощанием, кортежем и журналистами. Разумеется, двор немедленно всё отменил, в завещании старика нашли просьбу похоронить его скромно и без церемоний. Впрочем, скандал и не думал утихать: сама княжна Звенислава была на юге, в Латане, и на похороны не успевала. "Кардиа Тесгиз" со ссылкой на свои источники написал, что Звенислава считает происходящее провокацией против себя, как наследницы, и что её отец мог быть убит или как

минимум умер при совершенно других обстоятельствах, а над его телом надругались "provokatory".

Виктора посмертные приключения старого князя волновали мало, пока внезапно отец, что ещё числился в царских магах, не сказался больным и не велел Виктору заменить себя на похоронах.

– А как же Славка? – сдуру спросил Виктор и сразу же сам себе мысленно ответил: никак.

Гера забинтовал ему ногу и пообещал, что всё будет хорошо и никто ничего не заметит, если не трогать бинты и печати. Семье Виктор сказал, что сломал ногу. Отец новость воспринял с удивительным равнодушием. Наверное, это было как-то связано с тем, что в этот момент он слушал в трубке Марту. Сестра орала так, что даже Виктор слышал обрывки слов.

Взгляд отца равнодушно скользнул по его ноге, потом старик пожал плечами и прервал дочь:

– Витя ногу сломал.

Марта мгновенно стихла. Отец протянул Виктору трубку.

-- Ая, -- Виктор закрыл глаза и приготовился очутиться в эпицентре бури. Марта, наверное, единственная в их семье ещё всерьёз относилась к их месту в Свите. Она бы хотела сама его занять, но она не была магом, а в семье был ещё Славка.

"Что случилось?" резко спросила сестра.

-- Упал неудачно. Всё в порядке, просто лубки. Ходить могу.

"Нашел время!"

-- Во дворце проблем не будет.

"Витя, только попробуй там что-то устроить!"

Он открыл глаза. Отец отошел к окну и теперь стоял, перенеся вес на левую ногу, и смотрел на стену соседнего дома.

-- Ма, всё пройдет великолепно, я тебе обещаю! -- его ногу дёрнуло болью. Щиколотка зазудела, и Виктору пришлось собрать всю полю в кулак, чтобы не почесать её о ножку стула.

"Смотри у меня!"

-- Смотрю. Вы чего, снова с папой поругались?

"Да пошел он!" Мрата как-то сразу сдулась и успокоилась. Она пару секунд помолчала, потом тихо сказала: "Славка дом потерял".

-- Как это?

"В карты, как я поняла".

-- А разве он не на тебя был записан?

"Был. Папа уговорил переписать на Елену. Мол, он комплексует из-за меня и боится, что я буду использовать дом для манипуляций. Пусть почувствует почву под ногами, ага! Ну а Ленка, как оказалось, переписала на Славку".

Виктор посмотрел на отца. Тот по-прежнему смотрел в окно.

-- Понятно.

"Я сказала, что с меня всё. Они ещё полгода скрывали, наверное, чтобы я точно ничего не могла сделать. Знаешь, что он мне сказал? Мол, это его дело, и его долги, а я могу катиться куда подальше".

-- Ты с Еленой разговаривала?

"Нет и не буду. Мне плевать, что, где и как она. Славику я школу оплатила, а что с ней – пусть сама беспокоится за себя. Я для неё и так сделала больше, чем сделал бы нормальный человек в здравом уме".

-- Их уже выселили?

"Ага. Папа снял им квартиру на Охте. Ещё от меня скрывал, я случайно в счета заглянула".

-- И что теперь будешь делать?

"Что осенью я дам ему денег меньше ровно на счета Славика. И буду уменьшать, пока у него не останется лишних, чтобы тратить его на наркошу и его вкочу".

-- Это жестоко, -- внутренне Виктор был с сестрой полностью согласен. Но сказать такое при отце у него не хватало духу, пусть отец вряд ли поймёт, о чем они говорят.

"Ну он всегда может очаровать новую королеву и предложить ему свои постельные услуги в обмен на деньги, он умеет, я знаю".

-- Ма, ну прекрати, -- Виктору захотелось швырнуть трубку в стену, убежать домой и навеки забыть о своей семье. Ладно, о племянниках можно помнить, они хорошие. И о склепе, там мама, она тоже была хорошая.

"Это ты прекрати!" голос сестры стал обиженным. "Ты ещё скажи, что я плохо семье помогаю!.. Ладно, к чёрту Славку. Ты как? Что с ногой?"

– А? Да ничего страшного! Упал неудачно, – Виктор выдохнул и помахал отцу рукой, мол, всё, перекипела. Тот как будто увидел его жест затылком и развернулся.

-- Спроси, поедет ли она в лицей.

-- Папа спрашивает, поедешь ли ты в лицей.

"Мокша уже съездил. Документы я папе отправила".

– Документы она тебе отправила.

"И скажи ему, что я всё ещё на него злюсь".

Во дворец Виктор отправился с тяжелым сердцем и нарядившись, как дурак, в отцовскую мантию с золотом. С ним ехала посольша

На вид принцесса-регент была похожа на сушоную кильку: тощая, длинная, пучеглазая, настоящий подарок для карикатуриста.

-- Великие боги, я с ней рядом стоять не буду! -- принцесса-регент сделала шаг вперёд и оказалась рядом с дочерью. Королева никак на это перемещение не отреагировала.

-- По протоколу, вы идёте третьей, -- с неподвижным лицом напомнил Сокол.

-- Почему это? Я... я... -- принцесса нахмурилась. -- Иду с дочерью, потому что её шокировала такая смерть яди! В конце концов, мы и правда шокированы смертью моего брата!

-- Вы либо идёте по протоколу, либо не идёте воовсе, -- Сокол повернулся к королеве. Губы на мгновение дёрнулись, как будто он хотел ухмыльнуться. -- Так положено, Ваше Величество.

-- Протоколы -- это

Княжна явилась на похороны перед самым королевским выходом. Она была большой и грузной женщиной, беременной пятым ребёнком, и от подъёма по лестнице её лицо побагровело. Чёрная коруна сползла вспотевший лоб и угрожающе накренилась.

Виктор отметил, что коруна у принцессы по-королевски роскошная: высокая, с чёрным жемчугом и масляно блестящими камнями из обсидиана. Роскошной была только коруна на голове принцессы-регента. Обе с длиннющими чёрными платами, опускавшимися до пола.

-- Ну что же вы так, сестрица! -- Княжна прошла мимо принцессы-регента прямо к королеве и нависла над ней. Роста в княжне было тоже немало, и девочка в её тени совершенно потерялась.

-- Мама сказала, что вам не здоровится, -- пискнула королева, делая шаг назад. -- Что вы не можете прийти, тётушка.

Княжна грузно развернулась. Виктора обдало волной сладких духов.

-- Это совершеннейшая неправда! -- княжна обдала свою родственницу полным презрения взглядом. -- Я никогда и ни за что не пропущу похороны моего отца. Вам стоило меня убить, чтобы я не пришла!

-- Я никогда такого не желала и пожелать не могла, -- проскрипела принцесса. Королева как-то сжалась и вжала голову в плечи, сообразив, что брякнула не то, что

Виктор притворился столбом, но это его не спасло. Княжна его заметила и опёрлась о плечо. Пришлось подставлять локоть и спрашивать, в порядке ли княжна. Княжна была не в порядке, и пришлось усадить её на кушетку отдышаться.

Виктор приложился лбом к колонне.

Королевские особы шипели сквозь зубы и пытались не кричать друг на друга. Принцесса-регент ещё так тянула шею, что стала похожа на старого облезлого попугая. Княжна стояла перед ней, огромная, грузная, как мешок угля.

Он тоскливо попинал носком ботинка старый камень. Он должен здесь находиться, он князь, он Львов, у него дедушка был архонтом, а бабушка -- любовницей Старого Короля. Отец вон тоже... если верить слухам. Нет, не Старого Короля, а его любимой поздней правнучки.

А он, Виктор Львов, просто мелкий служка с подсвечником.

Достойный сын своего семейства.

Виктор усилием воли заставил себя отойти от колонны и выпрямить спину.

Виктор стоял в стороне с чёртовой церемониальной доской и делал вид, что не видит, что происходит.

-- Да, папенька, я вас прекрасно слышу, -- пробормотал Виктор.

Отец мрачно посмотрел на него.

-- Давай без шуток, или по крайней мере, не здесь.

-- Извини.

-- Как репетиция?

-- Я на высоте. Не моргал весь Плач о Звёздах.

Отец вздохнул ещё раз. Старик вёл себя странно и очень нервно. Обычно это он зубоскалил за спинами придворных, а Виктор тоскливо разглядывал потолки.

Теперь же в потолок таращились они оба.

-- Пап, всё в порядке?

-- Угу.

-- Ужин с Мартой?

-- А? Да. Вечером семейный ужин.

-- А может я...

-- Ты придёшь.

Витя вздохнул.

-- Ты уверен?

-- Будет не очень хорошо, если я пристрелю на глазах у внуков их родителей.

-- Ну ладно.

-- Может быть, заменить меня? -- в душе Виктора шевельнулась надежду.

-- Не говори ерунды, -- принцесса-регент отмахнулась. -- Встань на место.

Виктор встал за спиной у королевы. В кафтане было ужасно жарко, нижняя рубашка и тельник промокли насквозь. Шерсть и вышивка воротника кололи шею. Ещё чёртова писчая таблица тянула пояс.

Они прошлись по храму ещё раз, постояли в молитвенной позе перед местом, где будет стоять труп, покинули храм. Смысла в этой репетиции не было никакого, если не считать за смысл постоянные попытки её воплейшества как-то подвинуть племянницу в процессии.

Лишнее из главы Виктора

Назначение королевским дьяком он получил прошедшей весной. Назначение даром ему не нужное, обременительное и даже вредное. На работе на него и так косо поглядывали и иначе, чем "князем" не называли.

Мундир ему оплатила сестра, а золотую вышивку купили у старого ключника Вахрушина. Вышло так роскошно, что Виктора тошнило от одного своего вида в зеркале. К счастью, за четыре месяца ко двору его вызывали всего три раза. Один раз он сопровождал королеву на заседание Совета, один раз -- в храм, один раз -- на несостоявшемся приёме наместников. В последний момент всё сорвалось, наместники собрались Большом Доме, у главного приказчика, к ним приехала прицесса-регент и,

по слухам, устроила безобразную драку с явившейся туда княжной Милицей Евставьевной. Саму королеву бросили во дворце под предлогом болезни.

Виктор, весь такой нарядный, в кафтане, нарумяненный, со здоровенной доской и чернильницей, молча смотрел, как по приказу принцессы-регента её дочь, уже готовую к выходу, увели в её покои. Девочка не сопротивлялась.

На взгляд Виктора, особо больной она не выглядела.

Я это когда-нибудь разберу

Полина

Полина блуждала по башне семь дней.

По крайней мере, её механический календарь отсчитал именно семь дней, шесть часов и тридцать две минуты. Она утешала себя тем, что никаких оснований не доверять ему у неё не было. По ощущениям, материальность окружающих стен никак не изменилась, и значит, для неё и правда прошли всего семь дней.

Что же происходит во внешнем мире, Полина старалась не думать. В первые же часы, как только серый матовый камень сменился полированным белым камнем Полина поняла, что находится не в Башне. Переходы, по которым она блуждала, не смогли бы уместиться в том, что оставалось от Тюрьмы Сердца. Остатки башни измерили, коридоры внутри зарисовали, и она шла не по ним.

Где она была сейчас, Полина боялась даже представить.

Она могла быть где угодно.

Первые сутки Полина просидела на раскладной табуреточке и редактировала черновик введения своего отчёта об экспедиции. Она ждала, когда её найдут. Она не сомневалась, что её ищут. Андрей, разумеется, не расскажет, где именно он её бросил. Но в экспедиции были другие люди, и они будут её искать. Полина не сомневалась, что сейчас Дунмак снимает со старых камней башни все следы, какие только может позволить прочитать их наука.

Её ищут и вот-вот найдут.

Не нашли.

К концу вторых суток Полина поняла, что надо что-то делать.

Мысль, что её не ищут, едва не смела хрупкую стенку из её самообладания. Полина зажмурилась и схватилась за голову, повторяя все стишки и детские молитвы, которые вспомнила. Она не очень верила в богов, но бормотание её успокоило. У неё никогда не получалось одновременно и говорить, и бояться.

Она успокоилась и выпрямилась. Прежде всего спокойствие и ясный ум. У неё есть долг, она должна выбраться и вернуться домой. Она не может погибнуть вот

так глупо, бестолково, в самом начале жизни. Её семья не заслужила ещё одной потери. Точно не сейчас, когда их жизнь наконец-то упорядочилась и перестала быть бесконечным страданием.

Если она начнёт паниковать, то не выберется и всех подведёт.

И все будут говорить, что она ничего не стоит, что она не справилась.

А она обязательно выберется. В конце концов, она же -- она! Она спасла семью, она пережила смерть матери, она их всех вытащила буквально из-под пят Огненного Марша, это она все пять лет носила обноски, чтобы у её семьи на обед было мясо. Это она выбирала между флаконом шампуня и тушкой курицы -- и делала правильный выбор.

Её нынешняя ситуация -- сущий пустяк по сравнению с тем, что она уже пережила.

Полина почувствовала прилив энтузиазма. Она сложила стульчик и проерила свои запасы. Как хорошо, что она взяла с собой свою сумку! И как хорошо, что она подготовилась к поездке!

Еды у неё было на две недели. Воды -- ещё на семь дней. Возможно, она сумеет как-то очистить свою мочу. Полина попыталась написать алгоритм для процесса, и в конце концов пришла к выводу, что её уже не передёргивает от перспективы пить то, что уже один раз прошло через её нутро.

-- У меня прекрасные условия, -- проговорила она и сама испугалась своего голоса. В коридоре, где она сидела, было тихо. Абсолютно тихо. Она слышала скрип своих ботинок о пол, своё дыхание и шелест одежды и бумаг.

-- Я со всем справлюсь, ты слышишь? -- Полина затянула ремень налобного фонаря, заправила в планшет чистый лист бумаги и поставила на него карандаш. К её удовлетворению, всё работало, как надо, и через пару шагов карандаш начал рисовать план помещения, где она находилась.

Полина блуждала семь дней.

Если верить получившемуся плану, она прошла почти семьдесят стандартных вёрст. Первые сутки она шла по белому ходу с низким сводом. Он не спускался и не поднимался, поворачивал и складывался в лабиринт, как карта кишок в школьном учебнике по анатомии. Полина едва не сошла с ума от этого разнообразия.

На третий день своды стали высокими, на них появились едва заметные рёбра, а в белом камне -- огни и всполохи. На четвёртый Полина вышла на первую развилку. Она пошла налево, передумала, вернулась, и пошла направо.

Полина храбрилась, читала молитвы, крутила в голове наброски своей будущей статьи. Нет, трёх статей. Две -- в соавторстве с Дунмаком, одна -- её личная, материал для которой она набрала сама, блуждая по руинам Башни.

Она понимала, что врёт сама себе. Каменный кишечник, по которому она шла, не заканчивался. Он не поднимался, не опускался, и занимал уже куда большую площадь, чем даже основание Тюрмы Сердца.

Как бы она не храбрилась, отчаяние шло за ней по пятам и ждало момента, когда Полина наконец-то разрешит себе осознать, насколько ужасно её положение.

На восьмой день она проснулась, зажгла фонарь и поняла, что ход изменился.

Белая кишка без примет преобразилась. Появились своды, а на стенах появились неровности и наплывы, которые, когда она пригляделась, сложились в прозрачные картины. Полина узнавала некоторые сюжеты: вот Мать-Ветер

проливает на землю первый дождь, вот Небесный Бык несёт свою мать по облакам. Вот Великий Дракон оборачивается вокруг мира и кусает себя за хвост. Вот Обманщика связали и вырвали сердце. Вот гигантская волна обрушилась на мост над широкой рекой.

Полина провела пальцами по небольшой фигуре рядом с волной. Камень был отполирован до блеска. Ни следа резца, если этого камня вообще касалась рука скульптора.

Она берегла воду, но понимала, что как не старайся, однажды та закончится. Вода выходила из неё с дыханием и потом -- и эти потери Полина предотвратить не могла. Очень скоро её путешествие бесславно закончится. Мысли об этом моменте пугали. Полина знала, что смерть от жажды мучительна и бесславна. Так умирать она не собиралась. Если уж ей придётся расстаться с жизнью, она закроет глаза с достоинством, не доводя себя до звериного воя и безумия.

Вот только как привести свой план в исполнение? Она бы предпочла яд, но яда у неё не было, если, конечно, не попробовать упиться насмерть. Говорят же, что даже водой можно отравиться. Правда, смерть от разрыва желудка ей тоже не нравилась. Можно попробовать вскрыть вены, нож у неё был. Или ей попробовать создать заклинание, которое остановит её сердце? Нет, лучше усыпит -- и остановит сердце. Если она хорошенько подумает, то сможет повернуть что-то такое.

Полина доела последние яблоки, набросала алгоритм в блокноте и решила, что сначала всё же израсходует всю воду.

Через час белые стены внезапно раздались в стороны, она увидела неясный свет -- и вышла к озеру.

Озеро, круглое и ровное, было размером, наверное, сажней в двести. Полина встала на берегу и оглянулась. Пещера -- а Полина не могла сказать, была ли эта полость рукотворна или создана стихией -- была ещё больше. Белый камень изгибался, возвышался, пенился. Чашу озера окружало пышное кружево из причудливых фигур.

Свет шел от воды озера. Полина не понимала, почему не увидела его раньше. Свет был неподвижен и отбрасывал неподвижные тени. Свет был красивым, как будто кто-то собрал свет всех звёзд и вылил его сюда. Полина не могла описать его словами. Она подошла к самому краю воды и молча смотрела на этот свет. Он был мягким, не ранил глаза. Свет её налобного фонарика показался жалким и уродливым, и Полина его выключила.

Тени замерли -- и её сердце сбилось с ритма, поражённое молчаливым величием этого места.

Вода сияла.

Полина не удержалась и коснулась воды носком ботинка. Вода взорвалась сотнями брызг. Они взметнулись, наплевав на все материальные законы, разлетелись в стороны и начали медленно оседать в озеро. Потрявоженная вода теперь играла всеми оттенками голубого, синего и лилового. Эта вода была прекрасна. Полина пошевелила ботинком, и, не удержавшись, уже нарочно выбила целый вихрь сияющих звёзд. Капли воды взметнулись выше её головы и затанцевали под кружевными сводами пещеры. Затанцевали тени. Капли медленно кружили и оседали в озеро.

-- Как же тут красиво, -- пробормотала Полина и села на пол, обхватив колени руками.

Она не знала, сколько так просидела. По ощущениям -- долго. Не меньше часа. Вода была прекрасна. Как рассвет, как чистый речной лёд, как свет лун. Нет, красивее.

Она лежала на спине и смотрела на потолок. Но его не было. Было звёздное небо и лики богов, которые ласково смотрели на неё и обещали свою любовь и защиту. Слезы брызнули из её глаз, и взгляд замутнился. Полина плакала от бесконечного счастья. Никогда в жизни она не чувствовала такого счастья и тепла. Никогда, даже когда давно, на Пурколских высотах, они с другими беженцами видели, как внизу, на равнине Огненный Марш сначала замедлился, а потом был отброшен.

Нет, то счастье было мелочным, шкурным.

Люским.

Сейчас же Полина была счастлива счастьем непреходящим, вечным, умиротворённым, безмятежным и светлым.

Абсолютным.

Более не было ничего важного. Материальный мир и её материальное тело не были важны. Её эйдос пребывал в блаженном равновесии, очищенный от страстей и

Полина умылась, напилась и привела себя в порядок. Волосы от прикосновения света стали лёгкими, бестяжими и как будто бы зажили своей собственной жизнью.

Впервые за все восемь дней она выпалась.

Полина разложила свои записи и

Полина почувствовала замах мира. Живой, влажный и холодный. Полина не сразу поняла, что

Она вышла к пролому в стене. За ним было бесконечное небо. Такое синее и ясное, что Полина подумала, что бредит. Но порыв ветра

Внизу простирался остров. Полина видела холмы на севере и спускающийся к океану лес. Вдали, если прищуриться, за зелёными валами, можно было разглядеть башни Тефты.

Она в материальном мире. Полина достала календарь. Прошло пятнадцать дней.

До земли было, наверное, мер двести. Полина легла на живот и выглянула в пролом. Стена была совершенно ровная, и вдоль неё гулял морской ветер. Так не спуститься. Значит, надо позвать кого-нибудь на помощь.

Полина лежала в тесном пространстве из полок, ящиков, корзин и молилась всем богам. Она знала, что они её не слышат, но всё равно молилась. Не к Той же Стороне взывать!

Внутри сумки ничего не происходило, и она просто смотрела на хронометр. Хронометр в одной руке, склянка с водой-светом -- в другой, под головой -- спальник. Она знала, что что бы не происходило снаружи с сумкой, Полина ждала удара снизу. Или хоть какой другой признак того, что её сумка сейчас кувыркается в потоках воздуха или катится по скалистым камням вниз.

...нет, только не по камням. Сумка должна упасть на землю. Она не су

Полина выглянула наружу. Мир был спокоен, она видела ветви деревьев.

Путь до города занял ещё три дня. Полина перед закатом добралась до старой дороги и заночевала в доме для экспедиций.

Принцип книг:

Полина -- книги о даэдра, вырезки из научных книг о башнях и тд

Ларин -- текстовые легенды

Зоя -- художественные тексты

Виктор -- истории о королевской семье

Марфа --

Доброго вам дня, да хранят Боги ваши пути.

Увы, вам не удастся встретиться с моим братом, так как он уже долгие годы не с нами.

Однако, даже если бы вы могли с ним поговорить, то не узнали бы ничего нового. Мой брат был одним из последних приближённых королевы Ирины, кто покинул дворец перед её затворничеством, и не знал, что творилось во дворце в последние два года.

Если вас интересуют его рассказы о его работе, то заверяю вас, он всегда с теплом отзывался о принцессе Ирине и Кинтире и считал их очень способными девушками. Не рассказывал он и ни о каких-то проблемах в их поведении. Об Андрее Стрешневе он отзывался, как об очень достойном человеке и не разделял ни мнения, что он пользуется каким-то особым зловещим влиянием на королеву, ни что Ирина Младшая способна на жестокость.

Брат вряд ли что-то скрывал, потому что в личных разговорах был предельно откровенен, и о первых признаках безумия королевы он рассказал задолго до того, как о нём узнало всё королевство.

Это всё, что я могу вам рассказать. Насколько я знаю, никто из оставшихся приближённых королевы, кроме генеральши Зиминной, не выжил. Возможно, вам стоит связаться именно с ней. Желаю удачи вам в вашем начинании, но я сильно сомневаюсь, что вам удастся хоть сколько-нибудь точно узнать, что же произошло во дворце и как умерла королева Ирина.

1. Полина

Хотя церковь и общество после известных событий резко настроено против Той Стороны, Князя — или Наблюдатели — веками играли важную роль в нашей культуре и истории. Отношения к ним менялись со временем и в разных регионах королевства. Можно вспомнить династию Змеев, при которых процветали культы Владычицы Рассветов, Дамы Ночи и Хозяина Зверей, или события Междуцарствия, когда совместные усилия священников Небесной и жрецов Владычицы Рассветов положили конец смуте. Так же следует учитывать, что во все времена Наблюдателей делили на плохих и хороших. Деление это весьма условно, но отражает их двойственную природу и связь с людьми. Наблюдатели являются воплощениями неких идей. Жажда знаний, перемен, веселья, стремление к порядку или разрушению сами по себе не являются чем-то плохим или хорошим. Нетрудно заметить, что обратить ко злу сумерки, жажду творчества или любовь к музыке несколько сложнее, чем стремление к власти и разрушению.

“О культуре Ночных Мотыльков”, Ада Претельникова, Белый
Университет.

2. Ларин

3.

Здравствуй, мой дорогой друг. Пишу тебе и вижу перед тобой твоё милое лицо. Как ты? Как дети? Я в полном порядке. Намедни был во дворце. Её величество созвала нас, чтобы встретить посланников

<...> Я понимаю, что моё решение станет для тебя неожиданностью. Где всегда был я, а где была вера. Но, похоже, война и правда меняет людей. Хотя я бы сказал, что калечит.

Физически, я, моя дорогая, исцелён. Клянусь тебе, что сегодня с утра я отлично грёб на доске и даже опередил на три секунды Вадимира. Так что дело не в моих выпавших из брюха потрохов и не в том, что мне пришлось помогать той докторице, да горит её огонь вечно, впахивать их обратно. Нет. И даже потеря

глаза не привела меня к тому решению, что я принял. Не эти раны терзают меня по ночам.

В своих кошмарах я вижу реку людей. Беженцы, голодные, измученные, лишившиеся надежды, бредут по обочинам и полям, потому что дороги заняли мы. И мы не можем уступить им дорогу, дать им отдыха, дать хлеба и крова, потому что если мы остановимся, лишим их всех спасения. В кошмарах я вижу море огня и небо цветов не из этого мира. И снег, падающий на серые шинели трупов. Я не рассказывал тебе, моя дорогая, как мы хоронили ополчение на Сухони. Столько людей погибло... Я пишу, и на глазах появились слёзы. А ты ведь знаешь, что я человек не слишком сентиментальный.

В тот день мои глаза были сухи. Смерть перестала быть горем, а стала спутником и сухой статистикой. Мы носили тела наших товарищей. Винтовки -- в сторону, их -- в общие могилы. Никакие ужасы иного мира не оставляют таких ран, как эта бесчувственная рутинка.

Предупреждая твои возражения, я не думаю, что вера даст мне то успокоение, что я бы хотел себе. Для этого мне придётся забыть увиденное, а это против всех моих принципов. Нет, моя дорогая. Я хочу найти успокоение в выяснении причин этой ужасной трагедии. Как видишь, я снова возмутительно высокомерен и самонадеян, и надеюсь, моя дорогая, теперь ты согласишься, что твой надменный брат пребывает в полном душевном согласии. <...>

Как договаривались, направляю вам копии искомых документов. Оpozнание, место находки тел, их описание и найденные при них вещи. Прилагаю мелодраматичные показания княгини Пахта, мне они показались забавными. Она безнадёжная дура, но между строк можно вычитать, что происходило в ту ночь. Например, князь Львов прибыл на место несколько раньше, чем он всегда утверждает, а Зимина, наоборот, дворец не покидала до самого конца. Пахта не видела самого решающего момента, но видела, что перед полночью у королевы и принцессы Ирины была ссора. Королева надавала дочери пощёчин, а потом неожиданно избила её подсвечником. Как вы увидите, в протоколе опознания, именно по оставшимся синякам опознали принцессу Ирину. Я не врач, но вряд ли "синие обезображивающие следы ударов" появились всего за пару часов. Далее Пахта утверждает, что после королева поссорилась со своим consortом, Стрешневым, в присутствии стратикона Лахтова. Стрешнев яко бы кричал, что более не желает состоять с королевой в браке, от чего с ней случился нервный припадок... Да ты сам прочитаешь, весьма занятное чтение. Думаю, тебе удастся восстановить хотя бы часть событий той ночи так, чтобы все действующие лица поверили, что ты тоже там был. Жду чек и надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Король Данакт, разумеется, одна из самых примечательных фигур развала Великого Царства. Вряд ли его можно назвать главным виновником того упадка, что случился в стране с его воцарением. Царство разрывали куда более сложные и непреодолимые противоречия.

Но Данакт, без сомнения, был олицетворением той эпохи. Безумная жажда единоличной власти, двуличие, поправление всех добродетелей и абсолютная безжалостность на пути к цели. Показателен момент, описанный у Селении. После прощения королевой Ангелией, он в покаянном рубище пришел на могилу своего брата. Данакт разрыдался и бросился на могилу и здесь, лежа в притворном беспамятстве от горя и раскаяния, яко бы прошептал "Вот мы снова

увиделись, мой мучитель. Ты гниёшь в сырой земле, а я жив, и пока жив — буду мстить всему твоему роду, всем, кто чинил мне обиды, изведу вас — под корень!" Разумеется, фрагмент абсолютно фантастический, но, что важно для нас, этот эпизод встречается в письмах номахи Селении до захвата Данактом власти. То есть, мои дорогие, вы можете представить какая была репутация у этого человека.

Милосердный смотрит на всех нас. Двери его храма открыты для всех, ибо все заслуживают утешения. Милосердный примет страждущих, отчаявшихся и потерянных. Сияние его озаряет наш мир. Так следуй же его словам:

Не отказывай в помощи, если можешь помочь.

Омой раны ближнего, где бы ты его не нашел;

Молись Милосердному каждый день и вспоминай заветы его. Ибо Милосердный есть утешение Мира.

***Про башни

Вопрос о причинах падения Великой Старой Башни, по-моему мнению, не удастся разрешить в ближайшие десятилетия ввиду скудности наших знаний об этом явлении материального мира. Мы не можем даже примерно указать на причины катаклизма, пробившего брешь в материальности. Согласно сохранившимся записям, башня последние восемьдесят лет, как и требовал договор о водоразделе, была необитаема, не считая недельных смен послушников медильских храмов, что поддерживали на её вершине маяк.

Дальше в источниках следует лакуна в пять лет. У нас нет оснований предполагать, что полдюжины послушников могли стать причиной случившейся катастрофы. Однако, экспедиция адмирала Тохала подтверждает, что башня рухнула в море. Однако, она не разрушилась полностью. Сохранилась нижняя часть башни высотой около пятидесяти сажней, что, согласитесь, значительная высота. Так же осталось цело подземное основание башни, чей объём и глубина нам неизвестны.

Эти факты, а так же то, что вторжение Той Стороны иссякло через полгода после катастрофы, позволяет некоторым считать, что Старая Башня ещё работает. Некоторые считают, что Первопредки показали нам свою милость и защитили материальность. Некоторые считают, что старинный спор о том, какая из известных нам великих башен является

истинным домом Первопредков, решен. Белая Башня осталась стоять, и сохранила материальность нашего мира. А значит, лишь она имеет ценность, а остальные великие башни лишь подобию, созданные для изменения подвластных земель. Версию, что на падение башни оказала трагедия в королевской семье Белой башни, я считаю несостоятельной. Королей убивали и раньше, однако эти события не вызывали таких катастрофических последствий.

Что касается моего мнения, то, как я уже сказал выше, ни одна из версий не имеет надёжного основания на фактах. Мы слишком мало знаем и о башнях, и о событиях, произошедших на Старом острове.

Из лекции магистра Валента Эхолского, университет Серого Холма.

Механские псы опасны. С ними нужно проявлять осторожность. Среди них бывают грозные, питающиеся лишь живой плотью. Отличить одного от другого невозможно. Только проявив терпение, приглядевшись к ним, ты увидишь разницу.

Алессианские книги

Первое Царство пленяет своими секретами. О да, мы так мало знаем об этой безусловно великой эпохе! Многие были утеряны, а редкие голоса, пробивающиеся до нас через тысячелетия презрения, так пленительны. Причина притягательности Первого Царства -- помимо того, что оно ужасно таинственно и далеко от нас -- в том, что мы, хотим того или нет, сама наша душа родом из тех древних времён. Королева Рабов, от которой не осталось даже имени, создала наших богов, создала нашу веру, создала законы, которым мы следуем, спустя тысячелетия. Благодаря ей мы знаем разницу между богами и князьями Той Стороны.

Да, Первое Царство запомнилось ужасными зверствами, религиозным фанатизмом и вызванной ими ненавистью. Цари Белой Башни, при всей их заявленной божественности, не имели никакой реальной власти, кроме редких исключений, о которых мы узнаём из чудом сохранившихся артефактов и скальных надписей. Царством управляли те, кого мы называем апостолами, посланники богов, которые говорили с ними. Правда ли они говорили с богами и с умершей Королевой Рабов, неизвестно.

Можно считать установленным фактом, что к началу вторжения в долину реки Сейвы, тирания апостолов довела народы Сердца Мира до глухого недовольства даже народы Сердца Земли. Вторжение в Сейву стало роковым: армии апостолов были истощены смутами, они были плохо подготовлены, и встретили сильный отпор. Военные неудачи и, возможно, отвод войска фанатиков, стали сигналом к восстанию порабождённым народам Царства. С фанатизмом, достойным апостолов, они уничтожали тиранов и все следы ненавистного культа. Огромные храмовые библиотеки, произведения искусства, даже целые храмы и поселения оказались уничтожены, сожжены и заброшены. Мы до сих пор находим эти руины со следами пожаров, разбитые статуи и алтари.

Религиозная политика Первого Царства оставила после себя такую недобрую память, что после падения практически всё его культурное наследие было уничтожено. Так называемый королевский мусор -- ярчайшее свидетельство этой катастрофы. В этих свалках скульптур мы видим скульптуры самого разного качества и назначения: религиозные идолы, светские памятники, архаические улыбки и чудесные реалистичные изображения. Часть из них разбита, часть носит следы огня. Среди них изрядную долю занимают изображения Королевы Рабов -- они же и дали этим захоронениям название. Поколения, пришедшие после падения её культа, расправились с ещё недавно божественным кумиром. Мы можем только ужасаться той картине чудовищной ненависти и разрушений, в которых умирала некогда великая и полная надежд эпоха.

Находки манускриптов в пещерах Эха и королевских стел в руинах городов на западном побережье озера заставляют нас пересмотреть хронологию всего наследия Первого Царства. Расшифрованные записи проповедей апостолов категорически запрещают верующим воздвигать каких-либо кумиров и создавать образы сотворённых. Одновременно на недавно открытых остатках колоссальной мраморной статуи Королевы Рабов высечена надпись-посвящение королеве от её внука (хотя тут спорное толкование, возможно, слово “шугаль” значит и “потомок”, и просто “большой человек”). Эти открытия прямо подтверждают до того зыбкие предположения: братские могилы скульптур гораздо старше, чем мы предполагали. Они свидетельствуют ненависти, вот только ненависти иной. В какой-то момент после смерти Королевы Рабов, власть над Первым Царством была захвачена сектой или культом, ставшим известным нам как правление апостолов. Трагедия, как мы теперь можем смело утверждать, катастрофическая для культуры Сердца Земли и катастрофическая для всего Первого царства. Даже авторитет и красота учения Королевы Рабов не выдержали такого испытания: апостолы довели страну до полного уничтожения и поколения после вспоминали их правление, как царство страха и безграничной власти жестоких жрецов.

Стрешнев и школа

Суть: рассказ про Стрешнева и его учёбу в БШ. Один рассказ про нравы БШ, второй -- возможно, чьи-то мемуары с палевом, что травлю можно остановить, но по факту становится ещё хуже, третий -- письмо о характере Стрешнева от недостоверного источника

Дружище, разумеется, я рад тебе помочь!

Я, разумеется, отлично помню Андрея. Мрачный и жестокий тип, скажу я не покривя душой, а я . Всё, что про него говорят, вполне себе

правда. Мы с ним, как ты правильно заметил, учились вместе. Как учились -- он

Ты просила рассказать, что произошло в тот день, и я не могу отказать. Так вышло, что ктитор, князь Лев Сташевич решил

Против ожидания, ничего такого не случилось

Мне показалось, что князь Лев примет приглашение, но тут его жена, княгиня, улыбнулась и сказала, что

Князь кричал, что никто

Ночью с ним случилось нервное помешательство. Он бегал по дому и кричал бессвязно, потом упал на диван в столовой и замер. Все поднялись, я тоже пришел. Княгиня и княжны пытались привести князя в чувства, но он кричал и плакал. Мне стало неудобно, и я ушел на террасу, откуда наблюдал за происходящим. Позвали доктора, а после меня. Княжны умоляли дать отцу напутствие последний путь. Я был в нерешительности, потому что князь намеренно ясно дал понять, что отправиться к предкам желает, так сказать, без помощи и вмешательства, своими силами, а кто я такой, чтобы нарушать его волю. Княжны разрыдались, и я сдался. Я прочитал напутствие в путь, держа князя за руку, а тот смотрел на меня полными слез сердитыми глазами.

Утром телеграфировали, что связи с ужасным состоянием князя Льва, Милица Старова приедет сама и сыграет ему. Она и правда приехала на скором поезде к обеду.

Рояль -- красивый, альдский, с тонкой настройкой и

Хуже всех смерть Полины приняла Ларин.

Сестра изображала, что держится, но даже полный дурак увидел бы, что это не так. Лара могла носиться по беседам в поисках работы, могла сидеть и смотреть в стену, могла сесть разбирать бумаги сестры, а по утрам вставала долго и с большим трудом. Зоя старалась не навязываться со своей заботой, но всё замечала. С каждым утром Ларин лежала в кровати всё дольше и делала больше дел, чтобы проснуться. Раньше она вскакивала по будильнику, теперь же лежала, ворочалась, потом кое-как делала зарядку, потом шла умываться и есть.

Сначала она бросила делать зарядку. Просто ходила, как старуха, шаркая ногами между кухней и комнатой. Зарядку стала заменять чашкой чая.

Потом Лара бросила умыться -- и Зоя не выдержала.

Отец приехал в этот же день и увёз Лару к себе. Та вяло пытаалась сопротивляться, но отец её не слушал. Зоя помогла собрать вещи Лары, посадить её в такси и не дала вылезти. Лара сопротивлялась как будто была во сне и не очень соображала, что происходит.

-- Еда у тебя есть? Деньги? -- тихо спросил отец, захлопнув за сестрой дверцу.

-- Ага, -- Зоя чувствовала себя, наверное, как всё время чувствовала Поля: старшей. Теперь она была старшей, с ней отец разговаривал, как со взрослой, и ей предстояло решать взрослые проблемы. Например, остаться одной посреди огромного дома в пустой квартире, собрать вещи сестёр и вместе с отцом решить, что им делать дальше.

-- Если всё будет нормально, -- глаза отца на мгновение метнулись к такси, -- Я к тебе приеду дня через три.

-- Может быть, лучше мне к вам? На электричке-то я умею ездить.

-- Хорошо, подумаем. Но... не трать много денег,

Пилю особенности фокалов. Фокал Полины должен быть коротким, рубленным, с чёрным профессиональным юмором и срывами в лирические многословные описания в моменты стресса. Акценты -- характеристики Поли другим людям. Не знаю, как они будут выглядеть, надо написать хотя бы пару глав и посмотреть.

Ларин -- фокал-обманка. Он тоже суховат, вместо характеристик должно быть описание внешности людей: Ларин комплексует из-за своей внешности (она эффектная женщина, но не красавица), из-за бедности и неудач по жизни. В этом же русле лежит и обманка: большую часть времени фокал будет ироничным и по идее должен производить более лёгкое впечатление, нежели фокал Полины. Но в отличие от Полины, Ларин время от времени будет срывать на откровенную жесть, пожелания случайным людям несчастий, злые шутки в адрес семьи и нарочитые скандалы с битьём сестёр в больные места.

Зоя -- самый витееватый фокал. Зоя мечтает стать писательницей, но пока её

Ворона ворвалась в комнату и заметалась над столом.

-- Пошла вон! -- Зоя шарахнулась в сторону. Перед глазами мелькнул огромный чёрный клюв и когти. Зоя схватила халат со стула и попыталась отогнать птицу от стола. Со звоном упал стакан в подстаканнике, разлетелись карандаши и ручки. Гребешок Зоя кинула на диван -- и птица, раскидав всё на столе, бросилась к нему.

-- А ну положи! Ты! Положи немедленно! -- закричала Зоя. Мысль, что гребешок Поли сейчас сломается в большом клюве или вовсе будет утащен вороватой птицей???

Клубок из разъяренных птиц вывалился в окно. Зоя бросила халат и спешно захлопнула створы. Птицы ещё несколько долгих секунд пытались достать друг друга когтями и клювами -- и разлетелись в стороны. Одна из птиц ударилась о стекло прямо напротив Зои и, раскидывая перья, метнулась прочь. Вторая с воплем кинулась следом, и стало тихо.

Зоя трясущимися пальцами задвинула шпингалеты и оглядела ущерб. Наглые птицы раскидали её рукопись, опрокинули полин стакан с карандашами и вазу с заколками. Полин золотой гребешок, который схватила первая птица, лежал под окном. Зоя придирчиво осмотрела его: вроде ничего не сломано.

Вот же злые птицы!

Не зря она их не любила.

Вечером вороны вернулись. Зоя меняла ленту в пишущей машинке, когда её взгляд скользнул по окну и случайно выхватил из сумрака маленькие тёмные силуэты на ветвях. Днём она приоткрыла окно, когда стало душно, и теперь ей очень захотелось закрыть окно до конца.

-- Пошли вон! -- она погрозила воронам рукой. Те никак не отреагировали. Ворон было с полдюжины. Они неподвижно сидели на ветвях вяза и, казалось, спали. Тогда Зоя приоткрыла форточку и кинула в птиц огрызок яблока. Огрызок пролетел мимо, вороны даже не шелохнулись.

Так они и остались сидеть. Вороны на ветке, а Зоя за столом -- старательно делая вид, что не видит их и не боится. Она и правда не боялась ворон, так, опасалась. Они ведь опасные и умные птицы. В детстве, когда они только приехали в Форт Алеш, вороны носились стаями над промёрзшими крышами домов и голыми деревьями. Они часто сидели на берёзе через дом. Под тёмной серой массой дерево прогибалось, ветви опускались. Отец как-то сказал, что эта стая может напасть и заклевать человека.

-- Вороны вообще очень умные, -- болтал он. Отец тогда вообще много говорил, не то что теперь. Как поняла потом Зоя -- от страха. Её большой и умный папа тоже был ужасно напуган и их новой жизнью, и бушевавшей войной. Но показать свой страх он не мог и не имел права. Поэтому папа постоянно болтал, болтал, болтал. Наверное, за тот год он наболтался на всю оставшуюся жизнь.

– Вороны ужасно умные

С тех пор Зоя ворон опасалась. Один раз она вышла за молоком и упала как раз почти под вороньим деревом. Бидон со звоном покатился по дорожке, и вся туча ворон тяжело, как грузный больной человек, снялась с берёзы и заняла всё небо. Зоя деревянными от ужаса пальцами схватила ведро и побежала. Над ней неслось гнусавое многоголосое карканье, а она не смела даже оглянуться: казалось, стоит поднять лицо, как в глаза вонзятся чёрные клювы и острые когти.

Потом война закончилась, над королевским лесом выпустили соколов, и ворон стало меньше. Но Зоя так и не смогла их полюбить.

-- Я вас не боюсь, слышите! -- пробурчала Зоя воронам за окном. -- Даже не надейтесь!

Вороны не обратили на неё никакого внимания, и Зоя решила, что больше окно открывать не будет. А то ещё раз залетят.

Черновик одной из глав Зои. Дальше будет ещё сцена, где детишки расшалились и залезли полазить в законсервированный дворец.

Глава, где Зоя с отцом и близнецами дитё в королевский лицей, оформлять младших, появилась почти сразу. Но сначала она уехала во второй акт, потом в первый акт второго варианта плана. В этот момент в сцене были задействованы князь Львов, Елена, Варда и Зоя. Сначала Елена показывала истинный характер при Зое и Варде, Варда её осаживал, потом подоспевал Львов и разрешал конфликт. Цель сцены: показать характер Варды, который не стесняется защищать детей; истинный характер Елены, которая с ненужными людьми вовсе не такая нежная и добрая, как её видит Виктор; старшего Львова, который вовсе не такая потерянная рохля с гонором, каким он опять же, показан в фокал Виктора. Заодно указывалось, что отношения Елены со свёкром далеки от того, какими их видит Марта (что Елена тянет из дурака отца её деньги, а то и по-женски привязывает этого кобеля к себе), что Львов осознаёт все проблемы в семье старшего сына.

В этой же сцене был короткий диалог, в котором Львов, узнав, что близнецы поступили сами, подкалывал Елену напоминанием, что внуки от Марты тоже поступили сами, а ей пришлось подкидывать денег.

Также, в перспективе сцена играла на деанон Добрыниных: Варда в одной фразе выдал себя, как имеющего отношение к Школе Боевых магов.

Сейчас после перетасовки та сцена пошла в утиль, как её не было жалко. Во-первых, изменились планы на старшего Львова. Он стал меньше контролировать ситуацию в семье, Елена теперь водит за нос и его, а сам он погряз в конфликте между старшими детьми и мало что за его пределами понимает. Во-вторых, увеличилась роль Елены. Стала нужна сцена, где читатель увидит её не через призму Виктора. Фокал Зои подходит лучше всего: изображать лапочку перед какой-то грязнокровкой Елена не будет. Сюда же я хочу добавить намёк, что Елена -- волшебница (этот факт она тщательно ото всех скрывает, но от стресса и раздражения, что её в ультимативном порядке отправили устраивать детей в престижную школу, и ещё выдали денег, раз сами не поступили, потеряла бдительность).

В этом фрагменте указание на её волшебство вышло топорным, теперь курю, как убрать подсветку и не показать Зою невнимательной дурой, которая ничуть не удивилась волшебницей. Наверное, попытаюсь как-то обыграть тот факт, что аристократия тут сплошь состоит из династий волшебников, поэтому Зоя не удивилась, что аристократка оказалась волшебницей.

Ларин поступлению близнецов обрадовалась. С Полиной отец почти два часа проговорил в парке на лавке, прежде чем идти в дом. Зоя поглядывала на них в окно. Она представляла, о чём они говорят: обсуждают риски, взвешивают их и пользу от учёбы для младших.

Если бы спросили её, зоино, мнение, она бы сказала, что мелких в школе для аристократиков затравят. Все знают, что Королевский лицей -- для аристократов и богачей, простых смертных в неё не берут. А если и берут, то... Зоя не знала, что это за "то", но боялась, что близнецам достанется. Младшие, в отличие от неё, не молчали, когда их задевали.

Зоя, разумеется, спросили, что она думает. Она ответила, что рада за младших, а если Полина одорила, то и она одобряет.

Потом всю ночь лежала и думала, почему так ответила. Вот почему? Хотела же сказать другое. Но когда вся семья, все сёстры, отец смотрели на неё -- она застеснялась. Все опасения показались ей ужасно глупыми. Разве отец не заберёт мелких из школы, если их будут там обижать? Её вот забрал, как только Зоя проболталась, что класс её так и не полюбил.

Её опасения детские и не очень умные. Раз даже Полина считает, что можно, то всё в порядке.

Королевский лицей вблизи производил тяжелое впечатление. В здании было всего три этажа, оштукатуренные стены выкрашены в нежный персиковый цвет, а кружевные наличники -- в белый. Они подошли к нему со стороны малых ворот, вдоль старой липовой аллеи. Деревья скрывали старое здание. Только в редких просветах между чёрными стволами мелькала то розовая стена, то белый резной завиток. Ярко светило солнце, и мир был цветным-цветным, свежим и радостным.

И всё же лицей пугал. Он был похож на крепость, а не на школу. В нём было всего три этажа, но высотой здание было повыше иных пятиэтажек в новом районе за рекой. Высокие узкие окна терялись в кружевных пятнах лепнины. Лицей был похож на тюрьму, которая пытается притвориться совершенно обычным нарядным теремком.

Двери в лицей были под стать его угрюмым стенам: высокий узкий проход с тяжелыми дубовыми дверьми на пружинах. Даже папа с трудом открыл одну створу. И петли, и пружины, протяжно заскрипели, как будто лицей только снаружи был свежим и красивым, а изнутри весь проржавел и застоялся.

//

Их довели до кабинета директора, но оказалось, что старый уже покинул своё место, а новая, княжна Зиминая, куда-то ушла. Отец оставил их сидеть и ушел, через четверть часа вернулся с невысокой полненькой тётенькой в красном костюме, как у Поли. Зое показалось, что она похожа на демена: широкоплечая, кудрявая, с тяжелой челюстью и синеватой нездоровой кожей. Или просто свет так падал через липовые шторы? Тётенька назвалась заведующей учебной частью. Она цепко осмотрела их всех троих, скупой улыбнулась, и увела отца в кабинет директриссы, за такие же, как на входе, узкие и визгливые двери.

Они остались в полной тяжелой тишине в похожем на ущелье коридоре. Бежевые стены давили, потолок терялся где-то в высоте. Наверное, в главном зале её школы такого высокого потолка не было.

-- Наверное, нас должны позвать, -- протянула Злата. Сестрёнка не выглядела сколько-нибудь напуганной. Они обе с интересом разглядывали дубовые двери.

Зоя почему-то подумала, что внизу двери такие тяжелые специально, чтобы жертвы хищного дома не смогли сбежать.

-- Обоих или по очереди?

-- По очереди, наверное.

Близнецы захихикали.

Зоя открыла книгу и попыталась вчитаться. Книгу ей дала Лара, мол, тебе понравится. Видимо, потому что герой книги был тоже выпускником. Правда, на этом их с Зоей сходство заканчивалось. Парень был родом с довоенного Побережья, жил в дорогой частной школе братства, и нравы там были -- о, их школе до такого далеко. Какие попытки прокрасться в храм Девы! Зоя-то вон, всего один раз танцевала в парке с мальчиком.

На моменте, где главный герой с друзьями пошел искать проститутку, Зоя поняла, что Ларин, как всегда, пролистала хорошо, если пару страниц в начале книги. **//

Отец выглянул из двери почти через час.

-- Девочки, зайдите. Зой, ты в порядке?

-- Полном! -- она бодро помахала книжкой.

Следующие полчаса Зоя чиркала в блокноте. В огромном коридоре было скучно.

Женщина была красивой. Нет, не так. Потрясающе красивой.

Все вбитые в неё старшими сёстарми знания немедленно закружились в голове. Глаза замечали и оценивали. Платье, качество строчки, босоножки, педикюр, длинные мягие пальцы с хищными белыми ногтями, стрижка -- волосок к волоску. Без гребешка волшебника тут не обошлось. Просто так волосы лежать не будут, уж Зоя-то знает. Полвоину лица красотки скрывали огромные модные очки, за которыми не было видно глаз. Может быть, глаза у неё не такие красивые? Косые или маленькие, как у поросёнка?

За женщиной семенили двое детей, мальчишка и девчонка. Мальчишка наверное, был сверстником близнецов, девчонка -- сильно младше.

-- Зимица у себя? -- без приветствий спросила красавица.

-- Нет, её вообще нет сегодня, -- ответила Зоя.

-- Кто принимает?

-- Завуч, я не знаю, как её зовут. Там папа с девочками...

Алые губы красотки чуть скривились. Зое показалось, что и глаза за чёрным зеркалом очков смотрят на неё с яростью и презрением. Красотка ждала директрису, а теперь ещё и узнала, что тот, кто вместо директриссы, занят какими-то "девочками". Почему-то Зое подумалось, что это аристократка.

...разве аристократы ходят одни?

Красавица резко развернулась к двери и открыла дверь. Зое показалось, что дверь вздрогнула и двинулась до того, как пальцы с белыми ногтями коснулись ручки. Она ещё и волшебница! Зря папа взял с собой её, а не Полину. Полина с такими умеет разговаривать.

-- Заходите, -- дети красавицы молча ринулись в кабинет. Красавица зашла следом, и дверь захлопнулась, плотно отгородив Зою от происходящего внутри.
///

Дверь открылась буквально через пять минут. Открыл отец. Мимо него проскользнули мальчик и девочка красавицы, а следом -- близнецы.

-- Зой, сходите к старому розарию. Там сегодня дорожки перекалывают, не потеряетесь.

-- Да, пап.

-- Только не уходите далеко, -- раздался откуда-то изнутри голос красавицы.

-- Да, далеко не уходите, чтобы нам с Еленой Федоровной вас не потеряли, -- подтвердил отец и отпустил дверь.

В коридоре снова стало очень тихо и очень тревожно.

-- Эм, -- протянула Зоя, не зная с чего начинать. Она встала с кушетки и улыбнулась мальчишке с девчонкой. -- Я Зоя, это Злата и Агата, а вас как зовут?

Детей Елены Федоровны звали Вышеслав и Добрава -- можно называть их просто Славой и Дорой -- а фамилия их была Львовы. Те самые Львовы, которые князья. Дедушка Слава был князем, а папа Слава -- княжичем. Мама Лена -- та самая красавица -- из клана Дерни, из города Скаптисиллы.

Про этот город Зоя только знала, что он сгинул в войне одним из первых: Поля ездила туда в командировку и привозила фотографии. Древний городок на морском утёсе превратился в причудливый каменный вихрь, который теперь разрушали морские бури и загадили колонии вернувшихся морских птиц.

Всё это Зоя узнала от Славы-Третьего, пока они шли к выходу. До выхода они не встретили ни души. Лицей стоял мёртвый и пустой. Дверь Зоя открыла с трудом. Пришлось надавить плечом и упереться в стену, а потом и в порожек, чтобы мелочь успела выскочить.

Когда Зоя отпустила дверь, она захлопнулась с оглушающим грохотом. Лицей, как злобное чудовище, злился, что добыча ушла.

Зоя с трудом удержалась, чтобы показать ему язык.

В королевском парке было хорошо, просторно и свежо. Утром прошел дождь, небо ещё не до конца очистилось. Лицей утопал в старых липах и озёрных соснах. В стороне, ближе к дворцу, появлялись драгоценные кружевные берёзы с серебряной листвой и вечно цветущие сливы. Зоя любила задворки старого дворца: чуть набежит ветерок -- и ты идёшь в волнующем розовом облаке, как лесной дух.

До старого дворца они не дошли, свернули раньше, перед бывшими конюшнями. Эту часть парка они хорошо знали -- до папиной работы и рыбных прудов было рукой подать -- и теперь пришла их очередь рассказывать Львовым, где тут что.

-- Отрадно видеть, что у Славы Львова выросли такие славные детки, -- отец благодушно улыбнулся мальчишке и девчонке на ступьях. Те робко улыбнулись. Красавица резко заткнулась.

--

Кусок из новой 4 главы, фокал Ларин.

Немного процесса.

В первом варианте плана сюжетно Ларин была копией Полины, хотя и играла в финале более важную роль: в шестом акте включались эпические законы, и Полина, пытающаяся действовать рационально, проваливалась, а Ларин, принявшая подкинутую ей роль героя-богоборца, преуспевала.

Я выколола из её линии дубли сюжета Ларин, и -- линия повисла. Ларин стала глобально не нужна, внятными были только её финал, в котором она возникала из ниоткуда, совершала подвиг и уходила в никуда.

Пришлось курить её линию заново, исходя из того, что я а) не хочу менять финал, там всё очень круто б) должен остаться её общий образ и характер (вся её куча комплексов, самоощущение неудачницы и бездарности). И по возможности сохранить пару классных сцен из середины текста (бывшая расширенная вторая глава с пробуждением Пожирателя, где геологи уходили через перевал к раскопкам Клыка и последующим оживлением башни и одна сцена, где из-за Ларин под удар демонов попадали Полина и Зоя).

После мозгового штурма Ларин обзавелась новым адекватным сюжетом, в котором она оказывалась в нужных для перерождения в эпическую героиню событийных точках. А ещё она, кроме полного внутреннего раздора, получила способность всякую паранормальщину, призраков, духов и нёхов. Скорее всего, обоснуем будут манипуляции её биородителей, которые пытались сделать из неё чудо-волшебницу. Это же объяснит, почему у неё пунктик на собственной гениальности, желании стать волшебницей и почему Варда, с которым у неё очень близкие отношения, не знает про истинные масштабы проблемы.

А ещё паранормальная чувствительность Ларин убирает дыры в части, где она должна оказаться связана с Клыком, а потом понять, что происходит божественная заруба и какую роль она должна в ней сыграть.

≡

Ларин добрела до парковой скамейки и рухнула в тени старого платана. Этот сквер был самым обычным, унылым, без розовых деревьев, без вечно цветущих слив и даже без цветов. Дорожки из серого кирпича над неухоженным газоном, старые деревья, давно неработающий бетонный фонтан. От слоёв масляной краски он стал похож на оплывшую свечку.

Всё такое мерзкое, пошлое, Ларин чуть не вырвало. Она посмотрела на свои руки, на облупившийся лак, на заусенцы, на ссадины и царапины. Уродство. Она сжала голову руками и уткнулась в колени.

≡

Мир понемногу успокоился и перестал шататься. Она всхлипнула и выпрямилась.

Ничего не произошло. Ларин по-прежнему сидела на грязной парковой лавке под лохматой сиренью. Светило солнце, а с канала тянуло холодным ветром. Она с опаской приоткрыла глаза и посмотрела на свои руки. Руки как руки. Ларин сжала их в кулаки и подковырнула остатки синего лака на большом пальце. Надо стереть и подстричь, а то выглядит ужасно.

Она выдохнула и выпрямилась. Мир стал прежним: унылый, но родной и привычный. Пахло недавно скошенной травой, в платанах над головой носились дрозды. Было утро и в сквере почти не было людей. Только через две лавки от неё, ближе к каналу, сидела какая-то девчонка в черном и читала.

Ларин потёрла виски. Дурман выветрился из головы, а с ним ушла и тошнота. Вместо них пришел стыд, и после звонка отца Ларин оказалась перед ним беззащитна. Отец не просто знал, что она нарушила своё слово. Он знал, что она его нарушит. Поэтому и позвонил туда, где её быть не должно.

Мысль, что отец ей не поверил, заползла под кожу и свернулась на груди. Добегалась. Ну и что теперь делать? И вправду ехать домой? Нет, нет! Близнецы уехали на озеро, Поля и Зоя -- в университете. Отец дома один, и если они будут одни, он ей такого наговорит!

Ларин погрызла ноготь. И что делать? Ждать сестёр? Нет, вот этого ещё не хватало. Полина наверняка подслушает их разговор и влезет, а осуждать сестрица умеет. Чуть что не по ней, начинается: тебе же говорили, вот что ты за человек такой, почему от тебя одни проблемы?..

-- Да пошла ты нахрен, -- пробормотала Ларин. Отец её поймал, к нему и идти с повинной. К тому же она всё равно хотела с ним поговорить. Из общежития она съезжала, сосъемщика на комнату в городе не нашла, а работы не было. Вообще не было. Ларин ещё была сама виновата, вообразила себе, что у Полина и вправду ищет ей место в экспедиции и боялась упустить момент. Вдруг она уедет в Серый Холм, а надо быть в Университете.

Впрочем, может быть, Поля и не виновата. Пол лета уже прошла, а её экспедиция так куда и не собралась.

Но всё равно. Могла бы и постараться и выполнить обещание.

Ларин посмотрела на подъезд котиного дома. Вернуться? Паспорт с деньгами лежал в кармане штанов Ларин на всякий случай его нащупала, на месте ли. С тех пор, как в электричке у неё вырвали из рук сумку, она ничего важного в ней не носила. Но у Коти осталась её сумка с книгами и сменной одеждой, и Ларин не сомневалась, что на завтра ей хорошо, если вернут саму сумку. Не со зла, просто полезут посмотреть, что внутри, а потом всё растеряют.

Солнце как-то потускнело, а с канала потянуло холодом. Стало зябко. Ларин потёрла похолодевшие ладони. Надо возвращаться.

Мимо пробежала пара ребят. Они выглядели какими-то оборванными, как из книжек про Замятию. //расширить/

-- Он идёт! -- один из ребят оглянулся на неё. На чумазом лице горел ужас. -- Он идёт!

Они побежали дальше, а за ними из-за кустов выпозла чудовищная масса. Она ещё сохраняла подобие человеческого тела: голова на короткой шее, длинные руки шарят по гравию. Ржавая проволока притянула его пятки к затылку, гнилые веки затянули глаза, рот беззвучно разевался.

///

Ларин не могла вздохнуть. Она не могла закричать. Лёгкие сжало. Всё её естество замерло. Тварь проползла мимо. На мгновение она повернула голову и принялась. Гнилые ноздри вздрогнули, втягивая воздух.

Нет, только не это, уходи, я не из твоего мира! беззвучно закричала Ларин. Тварь дёрнулась и беззвучно закричала. Кадык на сизом горле заходил туда-сюда. Секунды тянулись бесконечно долго, а тварь всё никак не пропадала.

“Тебя не существует!” думала Ларин. “Уходи! Ты не существуешь!”

//

Тварь двинулась дальше. Зарушраш гравий, заскрипела проволока. Там, где тварь протатила своё брюхо, остались ошметки серой плоти и слизи. Они извивались, как живые и пытались куда-то ползти.

Снова показалось солнце.

На груди Ларин, прямо под ключицами, кольнуло болью, как будто её укусил овод. Она ударила себя ладонью, но на груди нашелся только белый камушек на цепочке. Ларин достала его и чуть не ослепла от его сияния. Лицо обдало жаром. Она спешно сжала камень в руках и оглянулась.

Девушка напротив неожиданно книгу, нацепила на нос огромные тёмные очки и поднялась с лавки. Она была вся в чёрном, огромные платформы ботинок оказались ещё выше. /// Девушка шла на них, раскачиваясь, как на ходулях. Следы чудовища хватили её за чудные ботинки, но она не обращала на них никакого внимания и отпихивала с пути длинной тонкой тростью.

Во лбу девушки, просвечивая сквозь низкую чёлку, сияла поднятая длань Милосердного.

Ларин спешно отвела взгляд и сделала вид, что ей всё ещё дурно. Она наклонилась вперёд, и волосы упали, закрывая лицо. Жрица Милосердного прошла мимо, покачиваясь на высоких платформах. Кончик трости мелькал туда-сюда, откидывая ошметки плоти со своего пути. Ларин пристально следила за ним, надеясь, что дроздиша ничего не заметила.

Когда жрица прошла, Ларин искоса посмотрела ей вслед: вроде идёт по следу твари. Это хорошо.

Она сползла с лавки и побрела к дому. Потом передумала и дошла до ушла, к таксофону. Ларин пошарила по карманам, вытащила из кармана грош и кинула в автомат. Набрала номер Коти.

"Алу, чо надо?"

-- Это я, -- она не стала называться, надеясь, что придурок узнает её голос. -- В сквере дрозды охотятся.

"Ох бля!"

-- Осторожней, короче, -- она повесила трубку и, убрав руки в карманы, пошла прочь. Через два дома она села на речной трамвай и уехала к Университету, а от него пешком дошла до вокзала и уехала в Форт Аллеш.

Дома были только отец и близнецы. Полина с Зоей уехали в город, близнецы, пообедав, умчались во двор.

-- Будешь супа?

Отец не спешил, а она думала.

- Пап. У меня проблемы с работой.
- Ничего страшного, проживёшь какое-то время у меня.
- Я ещё у Поли спрошу, может быть, подселюсь к ней с Зойкой.
- Мне кажется,

Ворота медленно раскрылись. За ними во мраке стояли три женщины. Вуали падали им на грудь, и Полина не видела лиц. Но знала, что они видят её всю и ничто не укроется от их взора.

- Дочь наша, кость наша.
- Ты наша.
- Он ждёт.
-

- Достойна!
 - Достойна!
 - Достойна!
- На её плечо легла тяжелая рука.
- Тебе ещё рано.
- Полина обернулась -- и открыла глаза.

Она лежала на земле и не могла вздохнуть. Всё тело горело огнём,

Госпожа Ама выглядела хреново. Куда делись огромные очки, дорогая одежда и огромные часы на руке? Мать деи была одета в мягкий домашний костюм, куталась в плотную толстовку, а волосы собраны в простой хвостик.

- Доброго дня, -- я подкатила к ней коляску. -- У Деи какие-то проблемы в музее.

Расстались мы вполне мирно.

Её договор с кафедрой истекал в сентябре, и Ларин на всякий случай перетаскала вещи к Полине. Та упрятала их в свой бездонный сундук. Ларин смотрела, как её книги и одежда исчезают в бездонном чреве ящика и потребовала научить её его открывать.

Ларин открыла его со второго раза, а в третий крышка ударила её по пальцам. Полина молча следила за ней, и Ларин это взбесило ещё больше, чем если бы сестра попрекала её невниманием или бы вовсе сказала: "Вот видишь! Тебе никогда не бывать

волшебницей!" Если бы Полина предложила повторить объяснение ещё раз, она бы её стукнула.

-- Ну, если что, его всегда

Сундук был маленьким и похож на кубик-переросток. По всем трём сторонам он был длиной ровно в меру. Дерево для сундука Полина нашла в королевском лесу. Им, как слугам короны, разрешалось в нём охотиться, чем отец с удовольствием и пользовался. Сам он охотиться уже не мог, без руки-то. Но учил стрелять их. Поля и она умели, поэтому в основном учили Зою.

Тогда же Поля и нашла рябину. Огромная, как берёза, с толстым сизым стволом и стройная, как будто её вытянули/выровняли. Эта рябина сразу ей чем-то приглянулась.

Ночью они с отцом сходили и свалили рябину. Что и как Полина с ней делала, Лара не знала. Знала только, что на чердаке появились два десятка неровных досок, которые, просохнув, погнулись в разные стороны. Но Поля не опустила рук, что-то с ними сделала, все выпрямила и сделала два сундука, один себе, один отцу.

Родовое гнездо уцелело в войне лишь потому, что стояло далеко от столицы, а отец успел закончить

Ужинали с гостями, за длинным столом

-- А, маменькин сыночек! -- Славка прошел мимо него, раскуривая самокрутку. Виктор вжался в стену, чтобы брат прошел мимо. Славка заметил его манёвр, хмыкнул и внезапно резко обнял за плечи и потащил за собой на балкон.

Виктор чуть не упал. Славка

-- Ага, -- буркнула Лара. -- Я помню, ты радовался, что я провалилась.

Отец даже не моргнул.

-- Я и сейчас повторю, что это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Ты заслуживаешь большего, чем эта клоака.

-- Это только твои слова. Может быть, мне там понравилось.

-- Понравилось два года терпеть бесконечные унижения и насилия, от которых тебя никто не защитит, а если ты будешь сопротивляться или попытаешься искать защиты у офицеров, будет только хуже?

-- Это твои слова, -- Лара наклонила голову вперёд и исподлобья, снизу вверх, смотрела на отца. -- Возможно, там всё совершенно не так и ты врешь.

Зое стало не по себе. Лара злилась, и отец, казалось, этого не замечал. Он чуть улыбнулся и ответил:

-- Возможно, я вру. Но чтобы проверить, надо поступить.

Лара вскинулась и кинула в отца стакан. Тот невозмутимо поймал его перед своим лицом и поставил на стол. Только теперь между его бровями появилась складка: отец тоже сердился.

-- Держи себя в руках!

-- Да пошли вы все! -- Лара вскинулась, отпихнула стол, что чуть не упал чайник, и выбежала из комнаты.

Близнецы сидели молча, вцепившись в свои чашки. Отец несколько секунд смотрел в след Ларе, потом, когда хлопнула входная дверь, вздохнул.

-- Я вытру пол, -- пробормотала Зоя.

-- Хорошо, -- отец накинул на плечи пиджак и пошел следом за Ларой.

Они с девочками вытерли пол и вымыли чашки.

-- Леша Велмский хочет поступать в Старую школу, -- поделилась с ней Агата. Злата стояла у окна и следила, как внизу, в палисаде, сидят на лавке папа с Ларой. Зоя тоже украдкой посмотрела в окно. Вроде не ругаются.

Её не хотелось, чтобы они ругались. Раньше Лара всегда ругалась с Полиной, но теперь, когда сестры нет... Лучше бы они с папой не ругались.

Зоя вытирала чашки и думала, как всё вышло странно, плохо и совершенно несправедливо. Поли больше нет, Лара теперь старшая, а Зоя -- вместо Лары, вторая. И дело не в деньгах. Совсем не в них. Вовсе не в них. Кому вообще нужны эти деньги. Если бы Поля не пропала, а покалечилась, если бы можно было хоть как-то вернуть её домой, хоть какую, хоть как-нибудь, но живую, они бы ухаживали за ней...

В носу защипало, а глаза наполнились слезами. Снова. Зоя спешно втянула воздух и заморгала. Слезы покатались по щекам, и она спешно промокнула глаза салфеткой.

-- Ты чего? -- тихо спросила Агата.

-- Да так, что-то в глаза попало, -- соврала Зоя. Сестра кивнула.

Зоя спешно подумала об учёбе, о библиотеке, о цветах в палисаде, о том, что хотела съездить в старую школу и встретиться с друзьями, что они с Ларой договорились съездить в следующую семдницу в поход вокруг города.

Не помогло. Мысли возвращались к мёртвой сестре, к чёртовой экспедиции, к её закрытой комнате, к вещам и полному шкафу одежды.

Они не говорили о том, что Поли больше нет. Разобрали документы, оформили заявления о вступлении в наследство. Сходили к нотариусу. Отец купил мраморную плиту и подложил её к могиле Лели.

Вот и всё. Они с Ларой закрыли комнату Полины и условились, что разберут её через полгода. Или после зимы, когда... А что будет тогда? Они как-то сразу, не сговариваясь, сошлись, что трогать вещи не надо. Потом. Когда-нибудь потом. Не сейчас. Но что будет потом? Время вылечит?

Зоя сжала зубы и умылась. Хватит реветь. Она с шумом вздохнула. Реветь не стыдно. Лара, вся такая железная, такая гордая, плакала по ночам. Зоя ей ничего не говорила, и Лара, наверное, думала, что никто её не слышал.

Но слезы ничем им не помогут. Не вернут ни сестру, никого. Не скажут, как жить дальше, чего ждать от жизни и как им быть.

-- Извини, похоже, ресница, -- Зоя улыбнулась молчащим сёстрам. Близнецы напряжённо смотрели на неё, словно у неё рога выросли. -- Ты говорила, у вас в классе кто-то хочет в Старую школу попасть.

-- Да, Лёша. У него и мама, и папа оттуда.
-- Он уже пятый, ну, поколение, который туда пойдёт.
-- Династия королевских магов? -- Зоя всхлипнула в последний раз и повесила салфетку на крючок.

Перед отъездом Виктор попытался встретиться с Мартой, но она уехала с детьми на озеро Румо. Даже не попрощалась. Виктор чудом сумел дозвониться до их номера. Трубку взяла Света, и они поговорили несколько минут. Они были в порядке, хорошо отдыхали, а Славка почти не волновался из-за новой школы. Жалко, что дядя и бабушка не поехали с ними, но она привезёт ему забавную веточку.

Потом пришел Леша, забрал у дочери трубку и спросил, что ему нужно. Марта была далеко, но он готов был передать его слова жене. Виктор попросил Марту перезвонить, Алексей попрощался. В его голосе было столько льда, что Виктор понял: ничерта он не передаст.

Официальным результатом расследования стало некое "сочетание пагубных факторов". Плохая погода, плохое состояние дороги, усталость водителя -- вот поэтому они и вылетели с дороги. Печально, прискорбно, счастье, что все остались живы.

Ни слова о бледной фигуре.

Ни единого словечка.

Какой из этого можно было сделать вывод? Марта считает, что он виноват в случившейся аварии. И, великие боги, что она ещё могла подумать после того, как сама организовала решение его немного потусторонней проблемы?

Виктор себя ненавидел.

Сестра была единственным человеком во всём белом свете, для кого он представлял какую-то ценность сам по себе. Витя Львов, дурак и неудачник, косноязычный журналист, криворукий фотограф и никому не нужный писатель. Ну, ещё Света и Славка. Но они пока маленькие, и ещё не поняли, что к чему в этом мире.

Он корил себя, что не рассказал ей всего. Надо было кому-то рассказать. Хотя бы отцу. Надо будет ему написать, он не совсем обезумел, чтобы ничего не сделать.

Виктор сочинил письмо отцу и телеграмму сестре, чтобы они срочно с ним связались и решил отправить всё из Бейта.

В городе его достали из поезда, посадили в чёрную машину королевского двора и повезли прочь от города, почты и цивилизации.

Королеву сослали отдыхать в старый королевский замок над рекой Серебряной. Замок, конечно, было слишком громким названием для этого разваливающегося сарая. Главное крыло сгорело ещё до войны и с тех пор так стояло со слепыми окнами и чёрными потёками на стенах. Две боковые башни рухнули. Слуги заботливо собрали разбросанные камни в кучу и обнесли их садовым заборчиком. Флигели остались целы, и в одном из них расположилась королева с компаньонкой. Виктора заселили во второй, к прислуге. Нехватка места, опять же, приличия. Он мужчина молодой, видный, а королева девушка юная и неопытная...

Виктор слушал управляющую и кивал. Юная и неопытная, а он будте её смущать через стену. Да и через замковый двор, наверное, тоже.

В этот момент управляющая посмотрела на него так презрительно, что Виктор испугался, что она умеет читать мысли.

Ему отвели две комнаты на втором этаже замка с окнами в сторону королевского дома. Комнаты были серыми, пахли мышами и дешевыми комнатными духами. Управляющая, впрочем, представляла их с таким пафосом, как если бы отдавала ему покои самой королевы. Пока она болтала и заносили чемоданы, Виктор постоял у окна и полюбовался на сгоревший фасад замка. Отсюда был виден и запущенный подъездной парк и какой-то хозяйственный домик с выбитыми окнами. За домом королевы угадывался высохший пруд с галечным берегом и пустыми постаментами.

Чудесное местечко.

Управляющая сообщила ему, что в его распоряжении ванная, туалетная комната и папка с протоколом. С ней следовало ознакомиться как можно быстрее, дабы "не допустить неприятных ситуаций". Сама королева изволит быть на охоте, но скоро вернётся.

Виктор её сердечно поблагодарил, закрылся на ключ и открыл все окна, даже в туалете. Уж лучше мышиное деньмо, чем мыльный запах морского орешка.

Королева вернулась с охоты ближе к закату. Виктор успел переодеться, прочитать половину врученной ему папки, осознать, что не сумеет спуститься к королевскому ужину в княжеской мантии и при мече. Ни то, ни другое он не взял. Спустился просто в брюках и лёгкой куртке.

Королева как раз подходила к кухонному домику. Она шла в сопровождении егеря и своей компаньонки. Виктор помнил её имя. Майя, вроде. А вот семью не помнил. На вид она была вполне симпатичной, так что, возможно, не слишком знатной, и его незнание было простительным.

Или его всё же не зря поселили с прислугой.

-- О, Виктор, а я думала, вы приедете только завтра, -- Ангелина-Иоанна широко ему улыбнулась. Королева-девочка была в охотничьих штанах и куртке, волосы под косынкой, а сверху она нахлобучила ещё и тяжелую шапку с козырьком. Её компаньонка оделась чуть изящнее, и явно хромала.

-- Что ж, вы вовремя. На ужин будет утка, -- королева скинула с плеча ружьё и одинокую утку. -- Сколько патронов, а в итоге добыли всего одну птицу. Ну что ж, нас тут мало, как-нибудь управимся.

-- Обожаю уток, -- пробормотал Виктор.

-- Что-что?

-- Вспомнил, как мы с матерью в детстве их стреляли. Я был ещё менее удачливым охотником, и мама меня жалела и рассказывала отцу и брату, что пару её птиц взял я.

-- Это очень мило с её стороны.

-- Не думаю. Её просто хотелось спихнуть на кого-нибудь ощипывание, -- Виктор улыбнулся, и Иоанна расхохоталась. Компаньонка Майя скупно улыбнулась. Виктор и ей улыбнулся. Ответом стал немного насмешливый и презрительный взгляд. Истолковать его можно было по-разному, и Виктор решил пока его просто запомнить.

Если подумать, вряд ли регент отравила сюда, в глушь, с дочерью, человека, которому не доверяла бы полностью.

Впрочем, если подумать, он и на самом деле ближе к прислуге. Прислуге королевы-регента. Он не был особенно умён, но понял, что принцесса-регент надеется получать от него доносы на дочь.

Виктор трижды проклял отца, разложил вещи и получил на руки папку с протоколом.

Королева и её компаньонка

В парламенте снова были слушания о регенстве, и Её Величество королева Ангелина Иоанна, да хранят её боги, отправилась подальше от двора, в лёгкое путешествие для знакомства с южными княжествами и поправки здоровья. Королева-девочка отправилась отдыхать так неожиданно, что разве что у идиота

-- Добро пожаловать в изгнание, -- королева ошпыивала утку. -- Витя, вы когда-нибудь

-- Вот увидите, Витя, тут скучно. Нас отослали подальше от двора, чтобы я не смогла

Королева неслась вперёд. Она вся была какой-то неправильной, несурзной и непропорциональной. В ней не было ни капли от Ирины или её дочерей. Он делал один шаг, а коротышка -- два.

-- Давайте что-нибудь подстрелим на ужин, -- она свернула на залитый луг и захлюпала каучуковыми сапогами по воде. Виктору пришлось идти следом.

-- Говорят, больше всего на охоте гибнет егерьей и выпивших охотников, а не дичи.

-- Вы егерь или выпили, Витя?

Его снова передёрнуло от сочетания "вы" и чёртового "Витя". Не Витя он. И никогда не был.

-- Мне не нравится это имя.

-- Витя?

-- Я Виктор. Я не называю вас Аней или Иночкой.

-- Справедливо. Хорошо, я постараюсь не забываться. Виктор, встаньте

-- И что вы хотите сделать?

-- Так я тебе и сказала, --

Королева расстреляла последний магазин и опустила ружьё.

-- Похоже, на ужин будет мертвечина. Витя, как вы относитесь к сосискам?

Газеты им не доставляли, и королева слушала радио. У него тоже был небольшой приёмник, о чьём существовании он предпочитал не распространяться. Вечером он цеплял его антенну к батарее отопления и слушал через помехи, что происходит в столице.

В столице было жарко. Слушания по ренегству закончились грандиозным скандалом.

Обед закончился быстро, и они разошлись по комнатам слушать радио. Виктор подозревал, что все уже обо всём догадались, но ради сомнительных приличий каждый слушал в гордом одиночестве.

Трансляция началась с опозданием почти на час. Яко бы из-за технических неполадок

Парламент гудел.

Эфир заполнили аплодисменты и человеческие крики. Похоже, в парламенте снова началась драка.

Из королевского дома вышла белая фигурка и помчалась к их флигелю.

На пороге стояла королева в ночном платье и халате, растрёпанная и с горящими глазами.

-- Витя, я королева! -- срывающимся голосом провозгласила она. -- Парламент завершил регентство!

-- Я слышал, -- он сумел только кивнуть. Королева-девочка

-- Это не честно, -- наконец, не выдержала Зоя. -- Почему я должна отдуваться за тебя?

-- Ты не отдуваешься. Таков закон. Я уже стала волшебницей, и корона

-- Они тебя даже пальцем тронуть не посмеют!

-- Я знаю. Но...

-- Тебе не наплевать ли на их мнение?

-- Наплевать. Но мне страшно. Они будут говорить, что

Фарфоровая маска, что была вместо лица у Мирорадовой, осталась неподвижна, но её выражение как будто бы стало мягче. По крайней мере, Виктору больше не казалось, что она их сейчас убьёт.

-- Я не буду вас ничему учить, госпожа. Даже если мне прикажет парламент. Я ненавижу всех королей и королев. Но аргумент с башней хорош, признаю. У меня есть знакомая волшебница, которая как раз долгое время изучала Белую Башню. Полина Добрынина, слышали о такой?

Виктор слышал, и ему эта идея не понравилась. Он привык, что мир большой, и

А последнее время мир сжался до трёх десятков лиц, которые постоянно врывались в его жизнь из самых неприметных дверей.

-- Я с ней поговорю.

-- Она

Мирорадова пожала плечами.

-- У меня есть причины не любить Ирину. Она была безумной сукой. Хуже бешеной собаки. Она, конечно,

-- Она стирала с лица земли замки, топила города и сжигала города. Я была в столице, когда она подняла воды озера, чтобы обрушить Мост. Она хотела обрушить мост, потому что ей показалось, что по нему пытался сбежать её любовник... Кто это был? Я уже не помню. Но помню стену воды. Вы можете представить стену воды выше древнего моста?

Виктор сглотнул. В тот день он был на другом берегу озера, в охотничьем коттедже родителей. Он видел с высоты утёса, как ушла вода. Просто откатилась от берега, как будто озеро было огромной ванной, из которой выдернули пробку.

Матушка оказалась умнее их всех. Увидев белый песок на голом дне, она велела им собраться и бежать. Они проехали по серпантину

-- Интересно, почему мост устоял, -- тихо сказала королева.

Мирорадова ухмыльнулась.

-- Его не люди делали, не люди его и обрушат.

Виктор молчал. В тот день королевский гнев убил почти десять тысяч человек. В основном тех

Перед въездом на мост стояла статуя Королевы Рабов и Небесного Быка. Против обыкновения, Небесного Быка изобразили в его животном виде.

Королева Рабов была нага и

Полине нравилась эта статуя.

-- Я честно скажу, что я не в восторге от этой затеи, хотя и понимаю её важность.

-- Полина... хм...

-- Вардовна.

-- Полина Вардовна, что со мной не так

-- Я думаю,

-- О чём же вы хотели со мной поговорить? -- Полина хмуро посмотрела на Ангелину.

Виктор не выдержал и наклонился к уху лексикании.

-- Полина Вардовна, пожалуйста, выйдем на минутку. Это очень важно, клянусь вам.

-- Ну, -- Полина встала около окна и посмотрела на них. -- Что же это за дело? Ангелина молча посмотрела на него.

-- Это королева

-- Я вас представляла по-другому, -- наконец, сказала магистр.

-- У всех есть свой какой-то образ меня, и я всегда их разочаровываю, когда мы знакомимся, -- Ангелина пожала острыми плечиками.

-- Я не узнала вас...

-- Без всех этих глупых костюмов и косметики?

-- Да.

-- Скажите прямо, вы на меня вообще не смотрели.

Полина медленно кивнула.

-- Да.

Ангелина хихикнула.

-- Не переживайте, я не обижаюсь. Никто на меня не смотрит, и я не хочу, чтобы смотрели. Пока я пустое место, до меня никому нет дела. Я мебель, тумбочка, ночная

-- Хм, ваша светлость, -- брат Михай поднялся и изобразил поклон. --

-- Ты упоминала, что по моей просьбе Андрюша передал тебе работу тем летом, -- старик побарабанил пальцами по столу. -- Я ничего не передавал и не поручал. Про то, что младший Львов ввязался в эти делишки, я не знал. Мы следили за старшим братцем, Всеславом.

У Полины подкосились ноги.

-- То есть, это не вы?!

Михай коротко и грустно улыбнулся.

-- Не я. Вот видишь, как плохо доверять пустым словам.

Сердце Полины пустилось в пляс. Получается, он...

-- Он донёс на меня в храм. Донёс ведь? Это он меня сдал?!

-- Ага, -- кивнул Михай. -- Формально донос анонимный, но я поговорил с тем, поговорил с сем, Шурочка поговорила с третьим, кто со мной говорить не будет. Андрюша постарался, чтобы на его сигнал отреагировали почти мгновенно.

Полина сидела и тупо смотрела на край стола. В Храм поступают десятки тысяч доносов. Или даже сотни тысяч. Полина не знала точно, но Михай говорил, что письма в храм привозят корзинами по два раза в день. Разбирать их сажали самых заслуженных послушников или практикантов из университета. Бесконечные жалобы на соседей, односельчан, священников, деменов, аристократов.

Михай ждал. Наконец, Полина поняла, что он хочет от неё какой-то реакции.

-- Вот урод, -- ужас от того, как близко она была к провалу и концу всего, немного отпустил. Незаконная практика поставила бы точку в её жизни. Конец карьере, конец всему. Её ждал бы суд, клеймение и высылка на побег

-- Будь осторожней, девочка.

-- О да. А чего скрывать? Наша милая Полина -- самозванка, -- Андрей раскурил папиросу. Мирорадова в лице не изменилась

Ларин вскинула руки и замотала головой, показывая, что её здесь нет. Зоя послушно ответила Полине:

-- Лара в Университете. Папа до

-- Вы брат Михай, -- спросила Ларин.

-- А ты сообразительная, -- уродливый монах не очень весело хихикнул. Он повернулся к девице с чёлкой. -- Шура, сходи к Флёпину, узнай, как там поиски.

-- Мне ничего не докладывать?

-- Разумеется.

Девица ушла.

-- Ну что, вашвысочество, будем делать?

-- Не знаю.

-- Это Поля вам рассказала? О нас? -- не выдержала Ларин.

-- Я служил принцу Аксилю, --

Дама была тонкой, как жердь, и такой же прямой. Ей было лет шестьдесят или того больше, но величественностью

-- Витя, знаете, почему мне всегда очень грустно после таких встреч?

-- Нет.

-- Они все винят меня в каких-то грехах. Как будто я убила дочерей Ирины, как будто я проиграла войну, как будто я плохо помогала беженцам, воровала на закупках хлеба, как будто я впустила в города деменов!

На последнее Виктор ничего не сказал. Да уж, не повезло синемордым, если даже королева считает их бедой.

-- Или эта... карга! -- маленькая королева неожиданно зло скривилась. -- Они все смотрят, как будто я не королева, а какая-то нищенка, влезшая на трон, пока нет хозяев!

-- Мне кажется, у дворцовых стариков просто одинаковая манера. Они на всех так смотрят.

-- Нет, я знаю, она презирает именно меня! Я для них мусор! Потому что если она так будет смотреть на мою матушку

-- сцена у няни

-- Итак, княжич

-- И о чём вы хотели бы поговорить? -- старуха величественно опустила за стол.

-- Просто. О королеве Ирине.

-- Пустые разговор

Старуха откинулась на спинку стула.

-- Да, я нянчила королевских детей.

-- Королева Ирина была безумна, княжич Львов. Совершенно, абсолютно, безнадежно безумна. Когда я покинула дворец, это было уже нечеловеческое существо. Подобие человеческого существа, наделённое абсолютной властью и могуществом. Я бежала из дворца, княжич. Потому что мне было страшно.

-- Я удовлетворила ваше любопытство? --

-- Это было страшное время, мой дорогой. Сколько вам лет уже было?

-- Двадцать.

-- Двадцать! Считаю, взрослый человек, -- старуха покачала головой. -- Я сбежала из дворца за год до трагедии. Близнецам было три года. Я сослалась на то, что не справляюсь с двумя девочками, на свой возраст и болезни. Попросила найти им новую няню, помоложе. Обещала помочь.

Старушка покачала головой.

-- Я была уверена, она меня убьёт. Ирина посмотрела на меня так, что я умерла на месте. У неё взгляд был, как у змеи. Эта змея смотрела на меня и думала, ужалить ядом или помиловать.

-- Она вас помиловала.

-- Да. Отвела взгляд и внезапно мило зашебетала, что она меня прекрасно понимает, и что не держит обиды. Подарила мне на память брошку и сказала, что всегда будет рада видеть меня в столице. Предложила помочь с переездом в Авиль, -- старушка нервно захихикала. -- Я почти согласилась. Но соврала, что мы с сестрой договорились уехать на солёные озёра. Мол, возраст, а там хороший сухой воздух. Как раз то, что нужно для таких старых костей, как мы.

-- И куда вы на самом деле уехали?

-- На солёные озёра, разумеется! Месяц делала вид, что выбираю дом. Потом уехала. Перед этим я, глупая, изображала, как мне внезапно там стало плохо. Мол, не мой климат, -- старуха закаркала. -- Хотя, почему глупая? Я уверена, Ирина прислала

кого-нибудь следить за мной. Кого-нибудь из этих мелких тварей, что крутились по теням.

-- Мне кажется, если бы у королевы реально были везде шпионы, хоть

-- Я не говорю о людях, молодой человек, -- старуху явно позабавили его слова.

-- Я говорю о тварях грязных и противоестественных, тех, что ворвались в мир после смерти их хозяйки. Наша королева повелевала не только людьми.

Виктор не сразу понял, о чём она говорит.

-- Ты можешь думать, что я сумасшедшая, мальчик, -- разозлилась старуха.

-- Пошел! Вон! -- ломающимся голосом закричала королевская нянька и замахнулась тростью. Но не ударила. Старуха так и замерла с задранными руками и перекошенным лицом.

-- Вам не хорошо? -- Виктор растерялся. Он положил куртку на место и подошел к старухе. Та с шумом вздохнула и выдохнула:

-- Спина!

-- Давайте я помогу вам сесть

-- Я не хотел сказать, что вы сумасшедшая. Просто.. сами понимаете, есть вещи, в которые сложно поверить.

-- Знаю.

Они расстались почти друзьями. Виктор долго тряс руку старухи, та улыбалась и вроде не злилась.

На улице пахло рекой

Его праздное любопытство всё же принесло пользу. Следующий день, все три часа, что они тряслись в поезде взаперти с её королевским величеством и её светлейшим курешиством Фро, он рассказывал про королеву Ирину, про её невидимых слуг, про мужей, дочерей и любовников. Рассказал и про принцессу-затворницу.

-- Мама говорит, что принцесса Ирина была ещё хуже матери. Поэтому её держали взаперти. Она была такой бесстыдной и развратной

Виктор не нашелся, что сказать. Старая нянька ничего такого не упоминала, и старшая принцесса ему представлялась скорее несчастной заточённой девицей, чем чудовищем под замком.

Губы Мирорадовой дрогнули, и Виктор всё же увидел, что мимика у неё есть.

-- Ира была тупой курицей. Дурой. Коровой. Квашнёй. Тупицей. Хотя, возможно, с тупицей я переборщила. Родись она не у таких людей, выучилась бы на что-нибудь приличное и жила бы клерком или медсестрой. Она была размазнёй. Без интересов, без личности, без устремлений.

-- Сколько слышу рассказов, столько

Мирорадова смягчилась.

-- Человеческая память обманчива. Люди склонны забывать неприятное, преувеличивать в свою пользу и обелять себя. Лишь единицы способны помнить прошлое таким, каким оно было, не пытаясь найти утешение в играх разума. Ирина была безумна, но не порождением Той Стооны. Просто тупая и ошалевшая от вседозволенности баба. Её дочь не была чудовищем, и посади её десять лет назад на трон, она бы просидела на нём ничуть не хуже нашей нынешней малютки-королевки. Может быть, родила бы пару детей, и сейчас мы бы были лишены удовольствия гадать, кто же станет принцем-консортом.

-- Я очень

-- О, я нашла работу, -- Айя махнула рукой. -- Непыльная, да ещё езжу по стране.

-- Никогда бы не подумал, что худож

-- Да какой я теперь художник, -- Айя вздохнула. -- Всё,

-- Так чем занимаешься?

-- Оо! Помогаю одному старому хрыщу собирать коллекцию для другого старого хрыща. Один князь, другой профессор.

-- Хочешь, кое-что покажу?

-- Я думаю, Чёрный Князь просто поехавший, -- Айя закинула ноги на стол и затянула трубку. -- Он верит, что это не просто сакральные предметы, а настоящее оружие против Той Стороны.

-- Не насилуй мою глупую голову, -- Виктор поднял руки, умоляя о пощаде. -- Это всё слишком сложно для меня. Когда эти луки сделали? Три? Пять тысяч лет назад? Королева Рабов -- это что-то такое древнее...

-- Она была ещё раньше Королей-Мотыльков, -- Айя заливисто расхохоталась над его невежеством.

-- И её божественный любовник-бык, -- Витя попытался изобразить похабную улыбку.

-- Даже не думай, я на работе, -- Айя поморщилась. -- Так вот, я собираю Чёрному Князю солнечные луки.

-- И сколько уже собрала?

-- Пять, -- Айя растопырила пальцы. -- Если повезёт в этом городе, то соберём шестой.

О том, что Айяана Батова трагически погибла, Виктор узнал утром. Тело адепта королевской малярной школы и

-- Вот только он не рассказывает, что я оставила больного ребёнка с отцом! -- взорвалась Полина.

Зазвонил телефон.

Зоя тупо слушала голос.

"Айе? Меня слышно?"

-- Поля, это ты? -- слова вывалились из её рта легко. Весь мир как

На неё оглянулись.

"Да, это я, не падай толькой, эйе?"

Зоя кивнула. Потом сообразила, что всё ещё держит трубку и сказала:

-- Не буду. Я стою. Поля, это правда ты?

"Правда. Сиж у нашего посла. Зойка, я правда жива. Папа рядом?"

-- Пап! -- Зоя протянула подошедшему отцу трубку.

В глаза ударил свет.

-- Ага, -- уродливый монах выпятил нижнюю губу. -- Вылезай давай, принцесса.

Ларин неуверенно

Иногда Зоя мечтала о том, чтобы они жили по-другому. Чтобы у них всегда было много денег, чтобы у них был большой дом с кухаркой и дворником, как у Лидочки, чтобы у каждой из них была своя комната, чтобы была большая библиотека... чтобы у каждого была своя библиотека! Чтобы у папы был шкаф с его книгами по энергетическим сетям, чтобы у Поли -- свой, и чтобы у неё обязательно была полка с её монографией, квалификационными работами и подшивки её статей в папке с золотым корешком. У Ларин -- целая комната, где на полках будут стоять только её книги, которые она отобрала по своему вкусу, и ни одну хорошую книгу не придётся сдавать в библиотеку или отдавать в надежде, что её не выкинут и прочтут. Конечно же, по шкафу у Близнецов. И у самой Зои тоже будет большой шкаф, куда она сложит всё прочитанное, и куда когда-нибудь поставит свои сочинения. Она понятия не имела, про что будут эти книги, но верила, что они будут настолько хороши, что Лара тоже поставит их себе на полку.

И они принесут ей деньги. Столько, чтобы хватило вносить свою плату за дом, покупать книги и делать всем подарки. Зоя, конечно, знала, что во взрослой жизни они, скорее всего, будут жить каждый своей жизнью. Возможно, они влюбятся, заведут свои семьи, как почти получилось у Поли. Они купят папе небольшой домик в пригороде, откуда он будет ездить на работу, и куда они все будут приезжать с детьми и мужьями. Как у всех.

Зоя знала, что её мечты глупы и никогда не сбудутся. И всё же, она мечтала о доме, где будут жить только они. Папа и его дочери. И они никогда-никогда не будут ссориться, а будут собираться по вечерам в гостиной, рассказывать, как прошел день и

быть семьёй. И чтобы Поля и Лара никогда-никогда не ругались и не смотрели друг на друга, как враги.

Отец говорил, что старшие сёстры слишком похожи друг на друга, чтобы жить мирно. Поля и Лара действительно выглядели, как близнецы: высокие, с резкими чертами лиц, с тёмными волосами и густыми бровями. Да, если приглядеться, если поставить их рядом и сравнить, то можно заметить, что глаза Поли чуть круглее, а губы Лары уже. Горбинки на носу разной формы, а уж про уши под тёмными волосами и говорить нечего -- совершенно разные. И всё же их сходство было поразительным, и лишь усугублялось, когда сёстры начинали говорить и жестикулировать. Они одинаково улыбались, одинаково морщили нос, одинаково размахивали руками, когда спорили.

Зоя понимала, что отец прав, но ей всё равно каждый раз, когда старшие ругались, становилось очень-очень грустно. И она снова мечтала о доме для всех, где они бы жили тихо и мирно.

Когда-то она селила в этот дом и мёртвых сестёр с матерью. Маленькую Лалю, потому что её было ужасно жалко, маму -- потому что мама была хорошей и у всех должна быть мама, а Мару за компанию. Зоя отводила ей самую дальнюю комнату из тех, что были в её воображаемом доме, но в фантазиях счастливой жизни Мара никогда не участвовала. Зоя была воспитанной девочкой, и знала, что сестёр надо любить, даже если злые и постоянно тебя обижали.

Но с возрастом Зоя поняла, что мёртвых не вернуть, что мама была не тем человеком из её воспоминаний, а маленькая Лаля давно лежит в могиле, и больше о них не мечтала. В её воображаемом доме жили только папа и пятеро его дочерей.

-- Идилия, --

-- Здрасьте, -- отец

-- Свататься мы приехали, -- здоровяк схватил отца

-- Зоя, это кто? -- Отец решительно встал между ней и Николаем Львовичем.

-- Он у нас факультатив по истории вёл, -- Зоя вцепилась

Отец сидел

-- Наоборот, ты сможешь выйти в отпуск, ставку за тобой на два года сохраняют, -- Андрей говорил чётко, убедительно, Полина бы ему поверила, наверное -- если бы прямо сейчас ей не хотелось то ли заплакать, то ли рассмеяться. Она не навидела себя за это. Все люди как люди, плачут, когда им плохо, боятся, когда им страшно, злятся, когда злы, одна она в любой ситуации начинает смеяться. Андрей продолжал:

-- Ты сможешь наконец-то дописать монографию. Ты ведь хотела это!

-- Дописать монографию? -- Полина держала лицо и расползающиеся в сторону губы.

-- Да! -- Андрей закивал. -- У тебя будет время!

Полина не выдержала и расхохоталась. Смех её душил

Вырезанная

Саша и Мара жили на Гороховой улице в стареньком трёхэтажном доме. Домик на лавку и три квартиры был маленьким, зажатым между тяжелыми четырёхэтажными домами с пилястрами и маскаронами. Их домик выглядел совершенно несуразным: желтенький с белыми карнизам и скорбной решеткой балкона над пустотой.

Полина на всякий случай сверила адрес на бумаге с табличкой на доме. Нет, тот. Зато понятно, почему Саша назвал его "примечательным".

В парадной было темно и пыльно. Полина поднялась на второй этаж и постучалась в единственную дверь. Потом заметила звонок и позвонила.

Саша открыл сразу. Он был в какой-то рваной фуфайке с дырами на плече, фартуке и с младенцем на руках. Младенец взирал на Полину с величавым удивлением.

-- О, ты пришла! Как здорово, заходи! -- он посторонился, пропуская Полю внутрь. -- А я уже подумал было, что забыла!

-- Трамваи встали, -- пожаловалась Полина, снимая ботинки. -- От переправы пришлось идти пешком.

-- Ничего себе!.. Бери тапки, я сегодня полы не мыл, проходи.

-- Я буквально на минутку, посмотреть квартиру, задерживать не буду, -- Полина замахала руками, когда трещащий Саша начал предлагать чай.

-- Как знаешь. Мара поехала оформляться, так что я на хозяйстве. Мы ещё не все вещи осбрали, кое-что из мебели оставим. Своему человеку не так жалко оставлять, как чужому. Табуретки всякие, книжные полки оставим. Занавески наверное, тоже. Ты проходи!

Крошечная прихожая без каких-то вступлений расходилась на проходную комнату, крошечную душевую с унитазом и кухню.

-- Единственный плюс этого прекрасного жилища, как видишь, горячая вода. Миностанция буквально через пару домов, поэтому к нам ветку успели кинуть до запрета.

-- А дом как, кирпичный? -- насторожилась Полина. -- Где вход линии?

-- Линия тут хорошая, всё по правилам, -- Саша, покачивая величавого младенца, показал ей шкафчик с вводом. И правда, полоса минопровода входила через положенный изолятор и выходила наружу во двор.

-- Идёт по крыше, так что проблем быть не должно. Хозяева ещё поставили на крышу три солнечные панели, так что даже когда канал обрывают, горячая вода есть.

-- Канал обрывают?

-- В соседнем доме бабка живёт. Мы её называем княгиней. Живёт одна, крыша утекла далеко и надолго. Раз в квартал дети увозят её в хм... лечить голову. Она возвращается, перестает пить таблетки, и в конце концов решает, что из канала к ней лезут тараканы. Угу, прямо с Той Стороны, и ломает его шваброй.

-- Шваброй. Живучая бабка.

-- Да не говори. Не хорошо так говорить, но уже год ждём, когда её всё же провьёт. Ну или и правда с Той Стороны что-нибудь выползет и сожрёт её... Да ты проходи, смотри.

Полина прошла. В проходной комнате окно выходило в маленький двор с чахлой берёзой и мусорными баками. В спальне

С Андреем она разговаривать перестала. Полина не могла точно сказать, почему её почти тошнило от мысли, что она когда-то была близка с этим человеком. Точно так же её тошнило и крутило после той ночи, когда они остались без матери. Смерть прош

Ларин молча бродила по залу, рассматривая фотографии и вещи. Она тысячу раз пожалела, что согласилась прийти.

Грег списал её недовольство на то, что Ларин чувствует себя тут чужой, и в чём-то он был прав. Ларин чувствовала себя тут лишней. На стендах расположилась вещи из прекрасного нежного мира, где она и её тяжелые армейские ботинки были нахрен не нужны. С фотографий смотрели круглые любезные лица в ореолах пышных начёсов или завитых кудрей. Нежные цветы короны, семь дочерей королевы Ирины, коварно убитые ужасными демонами и обезумевшей матерью.

Ларин давно считала, что она смирилась с их жизнью и оставила прошлое.

Она стояла в зале, посвящённом принцессе Кинтире, смотрела по сторонам и не знала, что думать.

Вот большая фотография принцессы Кинтиры в большой раме. Чёрно-белое изображение, увеличенное в несколько десятков раз, выглядело замыленным. От этого и модной пышной причёски пухленькая девушка двадцати лет выглядела ещё более круглой. Рядом стояло в ряд четыре манекена. Один -- мундир личного наследной принцессы полка Мофальской гвардии. Длинная чёрная юбка с разрезом, бриджи, высокие кавалерийские сапоги, анатомическая кираса со сглаженной грудью, шлем с плюмажем, белые перчатки. Повседневное платье из чёрного сукна. Платье летнее из воздушного тончайшего муслина с короткими рукавами. Ботинки с острыми мысами. Платье парадное. Широкая юбка из шелка и шифона на трёх плотных нижних юбках, корсаж расшит листьями и огненными цветами. Рукава-крылья падают с плеч на широкую юбку. Рядом на подушечке диадема из огненных топазов, серьги, цепочка для волос, браслеты, сетка из золотых цепей с камнями на плечи и ожерелье с огромным огненным камнем по форме Сердца Короны.

И фотография.

Кинтира у подножия королевского трона подаёт руку своему жениху, сыну Верховного Короля Сейда.

Кинтира высокая, в отца, но принц всё равно огромный, как скала, и какой-то угрожающий в огромном плаще из медвежьей шкуры.

Следующий стенд занимали вещи принцессы. Любимый стул, любимая чашка, альбом с рисунками. Кинтира перкрасно рисовала. Вот портреты матери, членов семьи, прислуги, близких, вот несколько листов с орнаментами для альбомов сестёр. Портрет сестры маслом. Автопортрет маслом. Улыбающаяся Кинтира в соломенной шляпке держит букет цветов и смотрит на зрителей. Портрет яркий, свежий, мягкий, без пошлости, поза модели непринуждённая и живая.

Ах, если бы не перждевременная смерть, из принцессы вышла бы прекрасная художница.

Ларин молча смотрела на этот портрет. Очень хотелось закурить или погрызть ногти, и она спрятала руки в карманы штанов.

На портрете Кинтире должно быть двадцать лет.

Ларин вспомнила другую сестру. Сухую, строгую, с уродливым узлом на голове, вечно куда-то бегущую,

-- И что с ней случилось? -- представления о тактичности у Кагнарека были, как и любого члена его племени, очень плохие.

-- Умерла, -- коротко ответила Полина. Подумав, добавила, -- От пневмонии, -- добавлять, как именно, она не стала. И так за последние три дня она постоянно вспоминала это уже казалось бы давно забытый ужас.

-- Ясно, -- он кивнул и вернулся к чертежам. Полине захотелось огреть его чем-нибудь тяжелым, чтобы показать, какой он чурбан и в какой она ярости. Потом, как обычно, на смену вспышке ярости пришла тяжелая безысходность. Он села на стул и подпёрла голову руками. Кагнарек оглянулся на неё и неожиданно положил руку ей на плечо.

-- Знаешь, очень многие пытаются постигнуть концепцию ан-уе. На самом деле она проста: что было, то ушло, и что бы не пришло ему на смену, это хорошо. Надо жить и идти дальше, а прошлое отпустить, не забывая его уроков.

Полина улыбнулась.

-- Забавно, я так почти и поступила. Просто... мне немного грустно.

-- Это нормально. Мы же не автоматы, -- он скупно улыбнулся и вернулся к чертежам.

-- Ну, привет, мальчик, -- старый князь прищурился.

Андрей молча смотрел на него.

-- Не смотри на меня, как на привидение, я всё-таки ещё жив, -- старик указал на большой пруд. -- Пройдёмся?

Он поднял руку, и Андрей подал свою, поддерживая под локоть пожилого человека. В конце концов, он же не откажет в поддержке пожилому человеку.

Они пошли по гравийной дорожке вдоль главного канала.

-- Не ожидал тебя увидеть именно здесь. Думал, ты сбежишь куда-нибудь подальше, на восток, например, за хребет. Кстати, как девочки?

-- В порядке. По крайней мере, как я слышал в последний раз.

-- Эх, мальчик, не умеешь ты врать. Я видел Кинтиру. Или Полину, как теперь правильной. Милая барышня вышла, и такая умная. Кто бы мог тогда подумать?

Андрей ничего не сказал.

-- Давай сядем, я с утра на ногах, а они уже не те, что у молодых, -- князь повёл его к одинокой парковой

скамье с видом на старый дворец и рощу подстриженных лип вокруг фонтана-шутихи. За их спинами на несколько

десятков метров простирался геометрический сад из цветных засыпок и низеньких кустарников. Чтобы подслушать

разговор двух мужчин, ему придётся постараться подкрасться незаметно.

-- Забавно, как всё вышло, -- князь хмыкнул. -- Я, конечно, подозревал, что что-то было не так. Сероис притащил всё сплошь изувеченные и обгоревшие тела, а Ирина и Мариана были как будто уснувшие, только дыры от пуль в груди. Но из-за того чёртового вторжения никто не предал этому значения.

-- Кроме вас.

-- Возможно, да. У меня были сомнения,

-- Как это -- живы? -- королева раскрыла рот от изумления. -- Что вы имеете в виду?

-- Видите ли, во время мятежа... произошло много событий, было вовлечено много заинтересованных лиц и даже силы той стороны. Всё смешалось, и есть возможность, что в случившемся хаосе несколько дочерей королевы Ирины выжили и ныне скрываются.

-- Постойте, вы меня что, считаете душой? Были тела, их опознали и похоронили в королевской крипте!

-- Нет, ваше величество, вы вовсе не дура. Ни в коей мере! Однако, даже я мало знаю о том, что произошло во дворце во время убийства Ирины. Но посудите сами: из всей королевской семьи опознали только Ирину и младшую дочь. Их тела -- а я их помню, как если бы увидел вчера -- были целы. А вот остальные принцессы и принц-консорт изуродованы огнём и магией до полной неузнаваемости. Мне это показалось странным, но тела отбили у князя Северского, а он вряд ли был заинтересован в подлоге и помощи принцессам.

-- Но... если у вас были сомнения, то почему вы молчали десять лет?!

-- Мои сомнения были малообоснованы, ваше величество. К тому же в первую очередь было необходимо остановить вторжение и оценить последствия падения Адамантиевой Башни.

-- Понятно, -- девушка откинулась на спинку стула. -- А можно как-то узнать, кто лежит в крипте?

-- Вы говорите об эксгумации повторном опознании?

-- Ну да! Разрешение я подпишу. Но тела же разложились? Можно как-то их узнать? По зубам? Я слышала, что следователи узнают истлевшие трупы по зубам. Им же лечили зубы, да? У моего врача есть моя зубная карта, значит, у них тоже была!

-- Ммм, да, верно, ваше величество. Но для ваших подданных потребуются объяснение происходящему. Мы же не можем им объявить, что, возможно, принцессы живы.

Королева сжала губы. Её пальцы холодели по мере того, как она со всё большей ясностью осознавала, что

Грохот в цеху стоял невообразимый. В редкие секунды, когда грохат немного стихал, можно было расслышать хриплый голос радио, напевавшего что-то весёлое и бессмысленное.

Кагнарек стоял около верстака вместе с Яртумом и Кеймой вертел в руках

-- И что с ней случилось? -- представления о тактичности у Кагнарека были, как и любого члена его племени, очень плохие.

-- Умерла, -- коротко ответила Полина. Подумав, добавила, -- От пневмонии, -- добавлять, как именно, она не стала. И так за последние три дня она постоянно вспоминала это уже казалось бы давно забытый ужас.

-- Ясно, -- он кивнул и вернулся к чертежам. Полине захотелось огреть его чем-нибудь тяжелым, чтобы показать, какой он чурбан и в какой она ярости. Потом, как обычно, на смену вспышке ярости пришла тяжелая безысходность. Он села на стул и подперла голову руками. Кагнарек оглянулся на неё и неожиданно положил руку ей на плечо.

-- Знаешь, очень многие пытаются постигнуть концепцию ан-уе. На самом деле она проста: что было, то ушло, и что бы не пришло ему на смену, это хорошо. Надо жить и идти дальше, а прошлое отпустить, не забывая его уроков.

Полина улыбнулась.

-- Забавно, я так почти и поступила. Просто... мне немного грустно.

-- Это нормально. Мы же не автоматы, -- он скупой улыбнулся и вернулся к чертежам.

**

Виктор заварил чай покрепче, вынул провод из телефона и сел за стол. Что ж, он решил написать книгу о королеве Ирине.

Охренительное решени. Лучшее в его жизни. Его, взрослого адекватного человека, взяли на слабо.

Добрынина Агафья Велсевна, бла-бла-бла, магистр самых разных наук, химик, технолог, немного волшебница.

Из понятных его необразованному уму достижений была организация производства противогазов во время последней войны с Антеей и производства керосина в Велве в достаточном для бытовой революции количестве. Правда, длилась эта революция всего тридцать лет, пока электричество не захватило квартиры и кухни.

Виктор подумал и отложил фото сердитой пожилой женщины в красном колпаке с кисточкой в сторону и приписал рядом со списком детей и братьев Добрыниной имя и Полины Добрыниной. Если ему не изменяла память, то она была родственницей старухи по матери. Он сверился со схемой семьи в

-- Я её не знаю, -- пожала плечами Полина.

-- Я её не знал, Виктор. Видел пару раз. Сами понимаете, далёкая родня

-- Виктор, и что вы от меня хотите? -- Варда сел напротив него и улыбнулся. -- Как будто это какой-то компромат. Моя фамилия действительно Добрынин, и я действительно родственник Агафьи Велсевновны. Очень дальний, и уж извините, я не буду вспоминать, кузина она моей бабки или троюродная сестра. Меня представляли ей как внука, но боюсь, она уже слабо соображала, кто я и зачем она подписывает мне рекомендационное письмо. Оно, если вам интересно, особо и не помогло. В Университет я поступить не смог.

-- Но поступили в Серый Холм.

-- Да.

-- А почему именно туда?

-- Там жил брат моего отца, и мне было где жить, что есть и была возможность учиться. Я, конечно, доктор, но... не скажу, что плохой. Но стереотипам не соответствую.

-- Это точно, -- Виктор против воли улыбнулся. В лице Варды Андреевича было что-то тёплое, почти доброе. Этот одорукий мужчина удивительным образом располагал к себе спокойствием и хорошими манерами.

-- Полина и Ларин -- мои кузины. Уж извините, за давностью лет я не скажу, какие они осили фамилии

-- Почему вы назвали их своими дочерьми?

Добрынин пожал плечами.

-- Возможно, потому что за те... за тот год они и вправду стали мне, как дети. У нас ничего не оставалось, не было ничего, что мы могли бы наследовать, как-то делить. Жизнь начиналась с чистого листа. С нуля. Без ничего. Понимаете... трудно это описать, Виктор. То, что мы чувствовали в те дни. Вся прошлая жизнь рухнула и её как будто не было. Мы не знали, что будет впереди.

-- Так что, когда мы переехали в Форт Алеш, то записались, как семья.

-- Можно было запросить документы из архивов.

-- Виктор, ну вы же сами сказали, что архивы Анвила стали доступны только два года назад, и то только то, что вывезли в Сайград и что уцелело в пожарах. Что и откуда мы могли запросить? Зоя своей фамилии не помнила, Ларин и Поля да, но их родню убили на их глазах. Я похоронил жену и дочь. Кого нам там искать?

Виктор кивнул.

-- Вам повезло, что вы сбежали.
-- Кин улыбнулась нам в тот день, как говорят на Севере. Жаль, что не улыбнулась всем остальным. И сожалею, что вам придётся менять вашу книгу.

Виктор сглотнул. Потом приложил палец к левой стороне лица Андрея Стрешнева и попытался разглядеть знакомые черты. Последний муж королевы Ирины был удивительно похож

-- Виктор, вы мне друг? -- спросила королева.
-- Разумеется, ваше величество! -- Виктор сделал круглые глаза, как будто он страшно оскорблён даже возможностью сомнений в том, что он вернейший и первейший друг

-- Дочери Ирины живы, -- Ангелина Кинтира чуть наклонила голову вперёд так, что стала как будто ещё ниже. Её голос осрвался. -- Неделю назад по моему приказу вскрыли королевский склеп. В могилах лежат не они. Там только Ирина.

-- Но... А кто тогда там лежит?
-- А я не знаю! Какие-то тётки! Одна вообще старуха без половины зубов -- и в могиле той, которой восемь лет было, Марианны!

-- Виктор, а что мне думать!

-- Это моя корона! -- заорала Ангелина Кинтира. -- Твой отец меня короновал, моя мать десять лет меня мучила, контролировала каждую мысль и каждый шаг! Если хотели другу королеву -- надо было короновать Ирину! Почему её не нашли, а зарыли вместо неё какую-то другую покойницу?!

Виктор пожал Добрынину руку.

Полина молча ждала, что будет дальше. Львов был отличным фехтовальщиком, она -- всерьёз дралась только с университетскими товарищами и тренером. Князь не стар, и скорее всего имеет при себе какое-нибудь оружие. А Полина не была героем грошевого детектива, способного пойти с кулаками на пистолет.

-- Знаешь, когда я столкнулся с твоим отцом, я подумал, что ошибся. Святослав идеально отыграл непонимание, чего я от него хочу.

-- Он мой отец.
-- А слухи про ваш жаркий роман -- всего лишь слухи.
-- Бывают и хорошие отцы, -- Полина сжала кулаки так, что ногти вонзились в кожу. Её начало мелко трясти от ярости. Мышцы хаотично напрягались и

расслаблялись. В голове панически носились самые разные мысли. Что делать? Как быть? Куда

-- Но потом я увидел тебя и подумал, что всё-таки слишком уж много совпадений для случайности. Человек, вылитый Святослав, младшие близнецы, его дочь, с профилем, как у королевы Рады. Кем же они могут быть?

-- Королевская семья погибла, -- тихо выдохнула Полина. Князь кивнул.

-- И я не собираюсь её воскрешать. Ничего хорошего из этого не выйдет. Я скорее... удивлён.

-- Что мы живы?

-- Что вы до сих пор в стране. О том, что вы живы, я давно подозревал, и искал вас в

— И чего это ты решила вспомнить своего старого учителя? — Матфий прищурился.

— Не такой уж вы и старый, — возразила Полина. Монах улыбнулся. Его лицо враз покрылось морщинками и приобрело лукавый вид. Но Полина, как надеялась, хорошо его знала, и восприняла это как знак, что учитель рад её видеть.

— Как прошла твоя поездка?

— Хорошо.

— Добралась до Рифтовой Башни?

— Да.

— И как тебе?

— Впечатляет.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, герцог Шанкари хочет восстановить башни севера. Ну, или построить новые.

— Хм...

— И что мне делать?

— Тебе нужен совет твоего старого учителя? — Матфий откинулся на спинку лавки.

-- Да.

-- Ну, до меня доходили слухи, что возможно, Шанкари станет нашим королём-консортом. Принцесса-регент очень недовольна тем, что её

Обсуждать семейные дела не хотелось. От присутствия за столом брата и его жены кусок не лез в горло.

Всеслав

Неудачный брак сказался на Всеславе тяжело. Ещё тяжелее сказался сговор Лены и Марты против него.

Следующие два часа они резали аппликацию из цветной бумаги. Виктор вырезал фигурные листки для будущей розы и старался не думать

Подумав, он показал, как с помощью карандаша сделать кофрированную бумагу. Детских сил на это действие не хватило, поэтому ещё полтара часа Виктор сначала жал листочки, потом помогал нарезать из неё лепестки.

Они вернулись в гостинную. Дети кинулись со своими кургузыми букетами сначала к матери, потом пошли Виктор сел на стул у стены и замер. Желания шевелиться не было. Он понятия не имел, о чём

договорились эти взрослые люди, и не хотел знать. Он их не понимал. Точнее, он не понимал брата.

Мышка, похваставшись поделками перед матерью и дедом, попыталась показать их отцу. Всеслав без

улыбки взял кривой букет, повертел в руках без интереса и вернул его дочери. Та сразу всё поняла и

ушла к тётке. Марте же хватило совести изобразить интерес и найти для племянницы похвалу.

Виктор понимал желание Елены забрать детей из клана, где они живут с отцом-сладкоежкой,

интриганом-дедом и тёткой, у которой есть свои претенденты на семейное наследство. Он понимал

желание Марты получить отцовские титулы и наследство для своих детей. Он понимал желание отца

сохранить семью и внуков. Только Всеслава не понимал.

... что в разы хуже, на самом деле, понимал. Но признаться самому себе в том, что его брат просто мудака, которому прищемили яйца, было страшнее.

-- Спасибо, что посидел с ними, -- Елена грациозно пожала ему руку, и Виктор пожал плечами в ответ.

Невестка

-- Ну, и что решили? -- спросил Виктор, когда Марта ушла.
-- Заночуешь у нас? -- вместо ответа спросил отец.
-- Вызову такси. Так что с разводом?
-- Ничего. Елена требует отдать ей детей, иначе она сольёт весь компромат, что насобираала на нашу семью во все газеты. У неё, видишь ли, есть доказательства измен моей дочери мужу,

-- Думаешь, это Марта ей отдала? Компромат на саму себя?
-- А кто ещё? -- отец устало потёр виски. -- Сама эта куколка сумела подловить нашу девочку? Елена, конечно, не дура. Ох, она далеко не дура. Она и раньше была не душой, а после того, как поняла, что вляпалась в самого тупого и безнарвственного мудака столицы, поумнела ещё сильнее. Но она не Марта, нет.

-- Значит, Марта. Что будешь делать?
-- Не знаю.
Виктор налил себе в чашку остывший чай и отпил. Отец откинулся на спинку кресла и вздохнул.
-- Я не знаю, что делать, Вить.
-- Отдать ей детей?
-- Ты сошел с ума? -- отец приоткрыл один глаз. -- Никогда.
-- А что тогда делать? Елена утопит Марту. Марта... ну, Ма ненавидит Славку, раз готова рискнуть

испортить себе репутацию и вынести все унижения, если план не сработает.
Слава... ты серьёзно

видишь его следующим князем?
Отец ничего не ответил, продолжая молча смотреть.
-- Елена -- хорошая мать. Вместо отца у них ты. Всеслав...
-- Я не потерплю, чтобы моих внуков растил другой мужик.
-- А так их растишь ты. Ты их отец? К тому же они всё равно будут жить в королевском лицее. Елена не угрожала же, что обрежет нашу связь с ними? Всё будет по-прежнему. Только Всеслав пойдёт лесом.

-- Только
-- Может быть, уже пора?
-- А если я сброшу с шеи тебя? -- неожиданно зло спросил отец. -- Если перестану платить тебе за

твою милую квартирку, за твои счета, твои фотоплёнки, твой алкоголь и перестану решать твои

неприятности? Думаешь, если Ма мне ничего не рассказала, то я ничего не заню, что у тебя было с

твоей ножкой? Как, не болит?
-- Не болит. Прекращай. Мне будет хуёво, но если ты меня выслушаешь, прекращай. Всеславу плевать на

семью. Ему плевать на детей, и трижды плевать на нас с сестрой. Он любит себя, твои деньги, свой

статус. Чёрт, да ему плевать на детей! Он не хочет отдавать их Лене, потому что

-- Думаешь, ты очень умный и видишь всю ситуацию?

-- Я debil, твою ж... Я дурак! И вижу, как вижу. Мы режем коту хвост, а он продолжает гнить. Славка

плюнул на семью, ему насрать. И если будешь пытаться держаться за него, то...
-- Виктор замялся, не

зная, как сказать крутившуюся на языке мысль.

-- Ну, говори, чего молчишь? Мне интересно.

-- Семья разваливается. Ты сам всегда говорил, что семья должна избавляться от тех, кто вредит ей.

Марта всю жизнь положила, чтобы угодить тебе, помогая семье. А теперь она видит, что ты из любви к

Славке плюёшь на свои же слова.

Отец молча смотрел.

-- И теперь ты удивляешься, почему она не хочет помогать брату, а думает о своих детях. Чёрт, я не

понимаю тебя! Ты сам отказал в помощи дяде Владу, когда ему были нужны деньги, потому что это могло

навредить нам! Марта такая, какой ты её вырастил! Она всю жизнь пыталась тебе угодить, теперь видит, что ты сам не следуешь

-- Всеслав мой сын. И ты предлагаешь мне сбросить его за борт.

-- Ну, извини. Ты, когда полоскал нам мозги своим "семья превыше всего", забыл упомянуть, что на детишек это правило не распространяется.

-- То есть, я виноват в том, что происходит.

-- Типа того, -- Виктор вздохнул. Вот и выговорился. Вот и остался в стороне.

Какой же он всё-таки дурак.

-- Я пойду, па. А то поздно уже.

-- Иди.

Виктор кивнул и вышел из столовой, не оглядываясь. Ещё не зажившая щиколотка болела. Он проковылял

к малому выходу, забрал свою палку и плащ и вышел. Потом сообразил, что не вызвал такси, и вернулся. Около коридорного телефона стояла Марта.

-- Макар тебя отвезёт, я попросила. Пойдём, провожу.

Виктор не стал сопротивляться, как и отказываться. Нога начала ныть, и он оперся о руку сестры.

-- О чём говорили с отцом?

-- О Славке.

Марта медленно кивнула. Она вывела его обратно на крыльцо и повела по шуршащей гравиевой дорожке к гаражам.

-- Похоже, я его разозлил, -- Виктор фыркнул себе под нос. -- Сказал, что он сам себе противоречит, держась за Славку. Так что я теперь улываю на вольные хлеба.

-- В смысле?

-- Ну, слезаю с содержания.

-- Это ужасно!

-- Тю, да брось! -- с излишней бравадой замотал головой Виктор. -- Я не маленький, не помру. Зато,

может быть, наконец-то соберусь в человека и добыюсь чего-нибудь сам.

-- В какой-нибудь плесневелой конуре на окраине? Витя, не дури. Я оплачу тебе квартиру, это не дорого. Но если хочешь, буду тебя пинать, чтобы ты больше работал.

-- Ты и так мне жизнь спасла, Ма. Я с тобой никогда не расплачусь.

-- Мне это и не надо. К тому же тебя мелкие любят, что я им скажу, если они увидят, что их дядя Витя живёт в какой-то конуре. Давай я и впрваду буду тебе мозги полоскать, чтобы ты шевелился. Ты же не дурак, а.

Виктор вздохнул. Он был безумно рад предложению сестры, но червячок гордости и совести грыз его.

-- Давай тогда хоть на еду и расходники я буду тратиться сам, --

-- Знаешь, Вить, я иногда их ненавижу. Папу и Славку. Славку за то, что он нам всё портит, а папу за то, что столько лет врал мне. Я... я столько лет пыталась ему помогать, а в итоге он плевать на меня хотел, и возится с этой никчёмностью, хотя сам столько лет грозился, мол, оступишься, я тебя выручать не буду, семья превыше всего, -- она горько рассмеялась. -- Ты не представляешь, как я их ненавижу, как мне обидно, и как меня душат слёзы. Последнее время я плачу, Вить. Да-да, я плачу. Уже даже Лёша заметил, что я не в порядке. Но... в то же время, я папу понимаю. Одно дело болтать, посылать в задницу Смотрящего дальнюю родню и всяких кузенов и кузин. Но... своего ребёнка послать трудно. Так что мне его жалко даже. Ты не подумай, я не хочу Славку сгноить или детей его. Но... не надо было папе болтать. Пусть расхлебывает.

Виктор не знал, что ей сказать. Больше всего на свете он хотел

-- Она настраивает против меня детей, а ты ей потакаешь, -- бросил Всеслав

-- Ты мне нравишься, -- согласился Дунмак. -- Уже очень давно.

-- Тогда почему молчал?

Тот пожал плечами.

-- С металлом я уравниюсь лучше, чем с женщинами. Женщины моего народа... скажем так, меня этому не учили, а взрослым было уже негде.

Полина развернулась и пошла задом наперед.

-- Правда?

Дунмак не покраснел.

-- Вся прочитанная теория про психологию и анатомию женщин оказалась бесполезной, когда я перешел к практике. Но кое-что я всё же из этих книг узнал.

-- И что же?

-- Что их авторы -- либо сами никогда в жизни не держали в руках живую женщину, либо...

-- Что -- либо?

-- Либо честно описали, как развести женщину на минутную ласку.

Она приподнялась и поцеловала его в губы. Дунмак чуть-чуть наклонился и поддержал её под локоть. Ветер растрепал её хвост, подхватил полы пальто и обдал потоком ярких листьев.

Потом он так же осторожно

Звонить Полине пришлось долго. Когда сестра наконец-то изволила открыть дверь, она выглядела, как будто минуту назад выскочила из кровати.

В спальне кто-то был, судя по разбросанным вещам, это был не Андрей.

Ларин поиграла бровями. Поля отмахнулась и повела её на кухню.

-- Папа

-- Сестра была самым близким мне человеком, а я ей ничем не сумел помочь, --

Виктор выдохнул и решился.

-- Мне нужна помощь. Помощь волшебника, работавшего с храмом Милосердного.

-- Опять? -- Полина улыбнулась.

Виктор покачал головой, не разделяя её веселья.

-- Вы слышали про смерть моей сестры? Марта Львова, утонула в озере восемь дней назад.

-- Нет, не слышала. Сочувствую, -- улыбка с лица волшебницы пропала. Виктор нервно кивнул.

-- Вы считаете, что хм... к её смерти...

-- Она пропала из своего собственного кабинета, раз.

-- Я следил за братом в тот вечер. Он... я не знаю, как называются это сборище. Я украл его записную книжку. У него от лунной пыли провалы в памяти, поэтому он всё записывает. Специальным детским шифром, я его знал.

Полина молча кивнула.

-- Они собираются тайно и кому-то поклоняются.

-- Кому-то из князей.

-- Вы мою ногу помните?

-- Помню.

-- Вот сами видите.

-- Вы

-- Я хочу защитить своих племянников.

-- Виктор, вы сказали своему хм... мужу жены, что он и дети в опасности?

-- Я боюсь, он убит горем и не видит опасности. Они с Мартой.. после покушения считают, что дело во мне. Что убить хотели меня, а я... я не рассказал, что дело в нашем брате. Марта его ненавидит

-- Я в отчаянии. Не знаю, чем могу с вами расплатиться, но идти за помощью мне не к кому.

-- Дядя, а папа?

-- Папа уже с мамой, --

Лена вздохнула.

-- Витя, отойди.

-- Нет.

Она пожала плечами и развернулась.

Виктор не сразу понял, что случилось.

Тварь замерла -- и осыпалась на землю белым пеплом.

Елена оглянулась через плечо, не увидела своей твари и развернулась.

В

-- А теперь мы едем домой, -- Виктор убрал револьвер обратно в кобуру.

-- Ты убил тётю Лену, -- Лир не спрашивал.
-- Да. А она хотела убить нас.
-- Она убила маму?
-- Похоже на то. Я думал, что это был дядя Слава, -- Виктор потряс головой. --
Ничего тут не трогайте, просто пойдёте.

Машина стояла там, где они её оставили.

Пора возвращаться к насущным делам.

Марфа

Следующим лежало письмо от матери. Марфа покрутила конверт в руках. Выбросить или прочитать?

Она решила и достала письмо.

Матушка писала в самых расстроенных чувствах. Листок бумаги был покрыт чернильными разводами, а строчки прыгали и путались. Матушка молила о помощи: папенька снова завёл себе фифочку.

Фифочки были старой бедой её семьи. Первую папа завёл, когда Марфе было лет двенадцать, как только умер дед, и большая часть его наследства проплыла мимо матушки. За первой фифочкой потянулась вторая, и фифочки стали чем-то привычным, как расписание трамвая. Однажды маленькая наивная Марфа сказала матери, что раз фифочки пытаются украсть у них отца, то может быть, отдать им его? Зачем матушке муж, который раз за разом проигрывает и теряет деньги из её наследства. Мать навешала ей затрещин за глупость и накричала, что дочь ничего не понимает, а когда вырастет, обязательно поймёт, почему виновата именно фифочка.

Марфа выросла, но так и не поняла. Возможно, потому что сама стала той самой "фифочкой" и точно знала, что одного из бедных мужей она ни крала, ни заманила и даже не звала к себе. Сами. Каждый из несчастных очарованных ею бедняжек приходил к ней по доброй воле, на своих ногах и деньги свои приносили сами.

Марфа дочитала до жалоб матери на полное пренебрежение и предательство всей их семьи, скомкала письмо и кинула его в корзину.

После войны Марфа с мужем уговорили матушку подать на раздел имущества и развод. Изслав Борисович оплатил тёще адвоката. Дорогого адвоката! Тот вцепился в папеньку мёртвой хваткой и выгрыз из него всё, до последней медки. Матушка получила развод и всё своё наследство. Отец остался с голой задницей и очередной фифочкой.

Марфа торжествовала -- чтобы через два месяца узнать, что мать приняла блудного мужа и всё ему простила, ведь отец покаялся, и у них началась совершенно новая, счастливая жизнь.

Когда вскоре появилась новая фифочка, Марфа умыла руки. К тому времени стало ясно, что Изслав не справится со своей последней битвой, а у Марфы были свои... фифочки. Два пасынка, племянники мужа и ещё десятки людей, уверенных, что она обязана исчезнуть вместе с дочерью и ни на что не претендовать.

Наследство матери не было бесконечным, в отличие от фифочек. Сама же мать делами занималась из рук вон плохо: дела двора интересовали её куда больше, чем вопросы пропитания. Деньги, по мнению матери, брались из ниоткуда и полагались ей, княгине, просто потому что она есть. Причём полагались в количестве достаточном, чтобы утереть нос всем неблагородным нуворишам.

Неудивительно, что вскоре мать появилась в жизни не снявшей траур Марфы с требованием сделать так, чтобы у той снова появились деньги.

Марфа решительно отказалась давать матери деньги и согласилась опалчивать её счета за квартиру, еду и платья. Так Марфа стала ужасной сволочью, но её это уже мало волновало, как и плачевное состояние отца, бедные голодные детки брата, осиротевшие дети её мужчин, плачевное состояние города Анвила и ещё более плачевное состояние Побережья. В общем, всё, что требовало от неё выложить наличные деньги не под долговую или товарную квитанцию.

Марфа была плохой дочерью и родительским наказанием. Вся жизнь Марфы Мирорадовой состояла из ошибок, провалов и злодеяний, чтобы уесть бедных родителей. Впрочем, для их семьи это было не ново. Отец был плохой заменой своего старшего брата. Марфа дядюшку Владимира никогда не знала, но бабушка живо рассказала ей, насколько дядя был хорош, и насколько её отец -- плох.

Мама тоже была разочарованием для своих родителей. Они оплатили ей лучший пансион при доме графини Бехтер, где растили самых изящных красавиц двора и света, и не допускали, чтобы воспитанниц раньше времени испортили собразны внешнего мира. Но мать не смогла стать достойной наследницей семейного дела. Университет, куда её направили по приказу деда, привёл мать в ужас, она не сумела ни доучиться в промышленной школе, ни справиться с порученной дедом молочным заводиком. В итоге всё состояние деда было

Через год в семью пришла новая беда: фифочка. Фифочке было девятнадцать лет, она была из обедневших дворян Камнеца, ходила к отцу на лекции, и однажды решила, что ей он нужнее, поэтому и забрала его себе. По крайней мере, мать считала, что всё было именно так. Марфа пыталась возразить, что отец не тот человек, которого можно заставить что-то сделать, но мать навешала ей затрецин за глупость и накричала, что дочь ничего не понимает, а когда вырастет, обязательно поймёт, почему виновата именно фифочка.

Марфа выросла, но так и не поняла. Её саму часто клеймили, как легкомысленную охотницу на мужчин, но она знала, что ни одного из них она ни крала, ни заманила и даже не звала к себе. Сами. Каждый из несчастных очарованных ею мужчин приходил к ней по доброй воле, на своих ногах и деньги свои приносили сами.

Когда закончилась война, Марфа заставила мать подать на раздел имущества и выделение её приданного.

Марфа торжествовала -- чтобы через два месяца узнать, что мать приняла и блудного мужа, и блудного сына.

Отца хватило ненадолго: новая фифочка похитила его всего через полгода. Марфа, устав доказывать матери связь между появлениями в её жизни фифочек и доступом отца к деньгам, умыла руки.

Марфа осознавала, что идёт по тонкой грани, которая отделяла её от свободной волшебницы и хозяйки самой себе от содержанки и дорогой проститутки. Из всех своих денежных мешков она любила только Ефрема Зимина, и то, сложно было сказать, было ли это искреннее чувство, или ей просто было двадцать лет. Но он был добр, мил, ценил её и не пытался ею руководить. Марфе иногда даже было жаль, что они расстались. Остальные были работой, а не увлечением.

Виктор Зимин не отставал от неё даже спустя четыре года после развода и официального отказа от претензий на какие-то свои деньги. Дело было не в деньгах, а в том, что Марфу он не отпускал. Она не сомневалась, что надоела ему ещё в тот момент, когда согласилась стать его женой. Всё, она стала полученным трофеем. Но дело было не в чувствах, точнее, не в любви и привязанности. Дело было во власти и контроле. Виктор не завал ей права уйти, не сумел заставить её покаяться и приползти на коленях, и теперь пребывал в бешенстве.

Штат слуг у неё был маленький. Одна горничная, одна повариха, две приходящие уборщицы и наёмный вестовой. Ещё няня и гувернантка при Манефе, но с остальным справлялись два голема. Впускать во внутренние комнаты людей она не собиралась. Дальше кабинета проходила только Бейда, но Бейда и Ротах были большими исключениями из правил.

Утро началось с шокирующих новостей: скоростижно и в расцвете сил скончался князь Виктор Зимин. Огромное состояние, нажитое на Восстановлении Запада, осталось без своего хозяина. Все ждали подробностей и оглашения завещания. У покойника остались пятеро детей и юная беременная вдова, которая, когда на её глазах муж подавился завтраком и принялся плевать кровью. Кто-то считал, что

Марфа ждала явления охранения

-- Госпожа-следователь, я скажу вам прямо и без увиливаний: Виктор был ужасным человеком. Единственное, что он мне оставил хорошего, это моя дочь, которую он пытался у меня отобрать. Да, я не оплакиваю этого человека. Но у меня не было возможности ускорить его уход. Во-первых, где он, а где я. Трудно убить человека, не видя его вживую уже как четыре года. Во-вторых, я так полагаю, Виктор ушел с помощью... определённых магических манипуляций. Как волшебница, скажу,

что практически невозможно убить человека на расстоянии, или я не знаю этого способа.

-- С чего вы взяли, что его кончина была связана с вашей работой?

-- С того, что за мной приехали всего через полтора часа после первых новостей, что Виктор умер. Полагаю, вы не успели пока опросить даже его вдову.

Следователь отпила воды.

-- Княгиня Елена указывает на вас, как на главного врага её мужа.

-- Возможно, Виктор ей говорил об этом. Со своей стороны скажу, что эти чувства не взаимны. Мне ничего не было нужно от него, шансов отнять у меня дочь у него не было.

-- Где она сейчас находится?

-- Со своей няней в летней поездке, в полном здравии и благополучии. Более не хочу о ней говорить. Мне и так объяснять ей, что случилось с папой. Не смотрите на меня так, она знает, кто её отец и я не настраивала её против. Виктор сам выбрал интересоваться ею исключительно с целью уесть меня.

Следовательница что-то отметила в блокноте.

-- Вы знаете о содержании завещания Виктора Зимина?

-- Нет. Когда мы с ним общались достаточно близко, чтобы я был посвящена в такие дела, он не собирался умирать.

-- И всё же, представьте, что завещание существует.

-- Если так... полагаю, оно составлено так хитро, что в итоге никто из детей ничего на руки не получит.

-- А может ли оно быть составлено в чью-то пользу?

-- Равне что в пользу ещё не родившегося малыша. И то, полагаю, с массой условий, по которым Елена лишится какой-либо опеки над ним.

-- А ваша дочь? Ей что-нибудь достанется?

-- Нет, разумеется. Ни гроша.

-- Почему же?

-- Потому что по мнению Виктора, она моя дочь, а не его. Вот если бы я её ему отдала и повесилась, чтобы точно исчезнуть, тогда да, думаю, Манефа имела бы шансы.

На крыльце её уже ждали газетчики. Марфа молча посомтрела на эту толпу.

-- Здесь есть чёрный ход? -- тихо спросила она у сопровождающего. -- Не хочу кормить стервятников и танцевать на трупе бывшего мужа.

Тот пожал плечами.

-- Простите, не знаю, ваша светлость.

-- Что ж, значит, выхода нет, -- она поправила лацкан плаща и направилась к выходу.

Стоило ей покзаться из-за двери, как пара дюжин фотоаппаратов затрещали, как цыкады. Марфа прикрыла дверь и неторопливо спустилась по сбитым бетонным ступеням королевского охранения. Она давно выучилась, как вести себя в такие моменты, хотя ещё ни разу не приходилось изображать столь неискреннюю скорбь. Она не стала излишне кривляться и лишь чуть опустила плечи. Ей уже кричали, чтобы

-- Меня уже давно не связывали с Виктором какие-либо тёплые чувства, но...
жизнь

Под стрекот затворов Марфа села в автомобиль и откинулась на сиденье. Бейда села рядом с водителем, и они поехали. Марфа расслабилась и посмотрела на ноготь. Так и есть, зацепка. Ну надо же!

Она прокашлялась и достала пудреницу. Автомобиль

Полина

Сенсацию перепечатали вечерние газеты. Полина купила свежий, гадко пахнущий типографией номер "Столички" и прочитала передовицу, пока ждала Алексея.

"Выжившая во бойне во Дворце?!" гласил заголовок. Под ним располагалась фотография: девушка с тяжелой челюстью и большим носом широко улыбалась и смотрела куда-то в сторону от камеры.

-- Чаю? -- наконец, предложил Гера.

-- А ты знаешь, где тут что?

-- Ну, вроде того. Я вообще тут иногда бываю, ну, у Вити.

-- Дружете?

-- Вроде того,

-- Интересно? Ну, самозванка.

Полина пожала плечами, стараясь не выдать своего интереса.

-- Она уже пятая за эти десять лет.

-- А не шестая? -- Виктор ел третий хлебец. Руки у него мелко тряслись.

-- Пятая, -- Полина решила, что просой светский разговор ей не грозит. -- Первая самозванка появилась после снятия осады Сай-Града, вторая -- после первого юбилея. Третью не помню.

-- Виктор, можно попросить вас об услуге? -- Ангелина-Кинтира выглядела маленькой и растеряной. Она была без макияжа, и выглядела старше и хуже, чем обычно. Викто неожиданно заметил, что глаза у неё запали, а кожа тонка и сухая, и около рта уже легли грустные складки.

-- Ммм, какой? -- Виктор чуть подвинул сумку

-- Я должна встретиться

С матушкой они поругались очень некрасиво. Марфа только-только похоронила мужа и планировала, как продаст половину его чётртого гаража и построит себе нормальную лабораторию

-- Она же мама. Может быть, пожалеть её?

-- Жалеть её? -- Ари пожала плечами. -- Не жалко. Пусть страдает. Я когда в первый год принесла хорошо в табеле, она меня час била, а потом посадила на трамвай и велела ехать в приют, мол, ей такая дочь не нужна. Потом, когда забирала из охранения, плакала и врала, что я от неё с Фро сбежала. Так что пусть страдает.

Ари размахнулась и выкинула кулёк в реку.

-- Ты просто наивная, Меда. У тебя мамы-то нет, вот тебе и легко живётся.

Они постояли и пошли к школе.

Сирка сидела, вытянув ноги, и сливалась с тенями. Виктор, каждый раз, когда сосмотрел на эту женщину, испытывал

Полина была бледной и напуганной.

-- Где близнецы? -- хрипло спросила она, оглядев их.

-- В школе ещё, --

-- Папа, они знают, что мы живы, -- голос Поли срывался. -- Они вскрыли могилы и всё узнали. Они будут нас искать... Папа, пап, что нам делать?

Ларин

-- Сегодня уроков не будет, -- буркнула девочка. -- Полина, вы пойдёте со мной. Мне нужна ваша помощь, и только вам я могу хоть сколько-нибудь доверять.

Они сели в лодку.

-- Мы плывём на кладбище? -- тихо спросила Полина.

-- Да. Вы бывали на королевском кладбище, Полина? -- королева оглянулась на

-- Успокойтесь, вы все, -- жестко велел отец. -- И сядьте. Чай будешь?

Полина молча села на свободный стул. Отец достал из буфета ещё чайную пару.

-- Зоя, будь другом, принеси ещё ложку.

Зоя послушно ушла. Она почему-то сразу поняла, о чём говорит Поля.

-- Мы не будем делать глупостей, в первую очередь, -- голос отца стал ледяным.
-- Ты себя ничем не выдала?

Полина замотала головой.

-- Расскажи с самого начала.

Поля нервно кивнула и рассказала: как узнала о вскрытии могил, как её взяли на эксгумацию, как она стояла и смотрела, пока королевский врач осматривал истлевшие останки. Как она потом обедала, как осталась ночевать во дворце и как приехала домой яко бы на день рождения близнецов.

-- Значит, никто пока этого не знает.

-- Они считают, что мы могли не пережить войну, -- тихо сказала Полина. -- Потому что прошло уже десять лет, а ни я, ни Лара не предъявили прав на трон.

Зоя подумала, что ни она, ни Лара предъявить этих прав не могли. Могли только принцессы Ирина и Кинтира. А они обе уже давно ими не были. Как она не была маленькой Ангелушкой. И папа тоже...

-- Значит, они не будут искать вас двоих.

-- Скорее всего, -- кивнула Полина.

-- Значит, будут искать вас, -- отец перевёл взгляд на Зою. -- Четырёх принцесс восемнадцати, тринадцати и одиннадцати лет.

-- Да.

-- К каким ещё выводам они пришли?

-- Что нас... девочек разделили. Что скорее всего, их прячут не в Сердце.

-- А где?

--

Полина не сразу ответила. Она отпила чая.

-- Знаете, я вам сейчас признаюсь в страшной тайне, ваше величество. Я на самом деле самозванка.

-- Самозванка?

-- Я не Добрынина и не имею никакого отношения к этому роду.

Королева

-- Нет, я не буду сейчас говорить, что я Кинтира Запасная. Мои родители были обычными клерками, а человек, которого я называю отцом, муж моей тёти. Он старше меня всего на десять лет. Просто... так вышло, что папа... ну, Варда, знал Добрыниных. И когда мы добрались до Форта Морихай, то назвались ими. Потому что они были тогда знамениты, скорее всего, не выжили, а нас было много.

Она помолчала.

-- Никто из нас не гордится этим поступком. Но дворянское звание помогло нам получить лишнюю вязанку дров и лишние талоны на хлеб. И мы выжили.

-- Полина, вы голодали?

-- Да.

Королева помолчала. Полина поняла, что она хочет спросить.

-- Это неприятно и страшно. Точнее, голодать самому неприятно, но когда у тебя на руках дети... это страшно. Им не объяснить, что еды нет или что эту булку мы будем есть два дня.

-- Одну булку? -- глаза королевы стали круглыми. Она развела руками, пытаясь представить себе размер булки. Полина изобразила руками размер хлебного кирпича.

-- На два дня. На шестерых, -- спокойно пояснила она. -- Это был худший месяц, когда Огненный Марш обрезал Воронову дорогу. Месяц мы ели только хлеб

Королева кивнула.

-- Вы многое пережили.

-- Да.

-- И многого добились.

-- Не уверена. Могла и больше

-- Расскажите... Полина, я не хочу вас обидеть. Но я никогда не общалась с людьми. Настоящими, я имею ввиду. Вот которыми правлю. Вокруг меня либо слуги, либо чьи-то дети, с которыми я должна разговаривать, потому что больше не с кем. Я читаю книги, но не вижу того, что в них описано.

-- Я не обижаюсь. Да, я была замужем и у меня был ребёнок. Но... это несчастливая история. Я была молода и глупа, а ещё влюблена.

-- А он?

-- А он -- нет. Убедил меня оставить Университет и поехать с ним заниматься его работой в Чёрную Горку. Убедил меня, что его работа важнее и я должна ему помогать, убедил, что я глупа и некрасива, убедил, что я ему мешаю и навязалась со своими чувствами. Убедил, что я бездарна и разрушила свою научную карьеру. А потом... потом у Маруши случилась пневмония. Нужны были лекарства и деньги на врача, потому что Андрей сэкономил на страховке. Когда я их попросила, он

Полина покачала головой.

-- Маруша умерла, когда ей было десять месяцев. Я её кремировала и уехала к сёстрам. Плюнула на всё, просто сбежала.

-- А ваш муж?

-- Нас развели.

-- И что с ним стало?

-- Он в полном порядке. Считает, что виновата была я, потому что не хотела её лечить.

-- Это несправедливо!

-- Да. Мир вообще несправедлив. Но я магистр и королевская наставница, а он -- заштатный адепт, которого печатают только потому что его отец сидит в редакции университетского вестника. Вы ведь знали эту историю? Наверняка узнали обо мне всё заранее.

-- Верно, -- кивнула королева-девочка.

-- И что он про меня рассказал, если не секрет?

-- Он сказал, что вы специально её не лечили, потому что материнство оказалось вам в тягость. Меня это напугало, -- призналась девочка. -- Я... меня пугают матери, которые не любят своих детей.

-- Меня тоже, -- кивнула Полина.

-- Ваша мать вас любила?

-- Какое-то время. Она... она была душевно не очень здорово, и под конец жизни не узнавала меня и считала чужой.

-- Она погибла?

-- Во время осады города, я полагаю.

-- Что бы вы сделали на моём месте?

-- Не знаю. Я не на нём. Но думаю, если дочери Ирины

Поперёк первой полосы значилось "Чудесно спасённая принцесса Алина" и фотография грустной девочки четырнадцати лет. В руках она держала кольцо. Крупная фотография королевского перстня в детских ладошках располагалась рядом.

Передовица "Вестника" была цветной. Кольцо с красной печаткой с рисунком. Узнать в нём личный герб королевы Ирины было трудно.

-- Я её где-то видел, -- протянул Виктор.

-- Учится с

С перевала они спустились молча, выстроившись в колонну. Витя шел впереди, Ларин и Сева замыкали. Этот поход

Ларин чувствовала себя одновременно совершенно разбитой и полной сил. Она устала. Чтобы успеть

Впереди маячил Клык. Чёрный гнилой зуб возвышался над зелёной долиной и словно пожирал свет солнца.

-- Привал, -- объявил Витя, и они рухнули. Даже Ларин. Её тело само скинуло рюкзак и село сверху, без приказа разума. Ноги внезапно онемели и ей захотелось снять ботинки. Желание немедленно смешалось с ужасом, что вдруг она не сумеет надеть их обратно, если сейчас снова придётся идти.

Пока они сидели и лежали, как попало, и стонали, Виктор достал ракетницу.

-- Думаешь, там кто-то есть?

-- Там раскопки проде, -- протянул Виктор. -- Город ещё дальше. До него наверное, будет все пятьдесят миль.

Он помолчал.

-- У башни должны быть люди.

-- А если нет?

-- Тогда мы встанем здесь на

Сетхи говорили с забавным еканьем, щёлкали языками и прицокивали. За два захода они перевезли группу в своё лагерь в тени Клыка. Ларин дождалась последней машины, и

Экспедицией руководила

-- В город сегодня вы не попадёте, уж извините, -- М.

-- Что-то случилось?

-- Буря.

--

Зоя

Лицей стоял почти рядом с ними. Дома, в Форт Алеш, до школы надо было идти вдоль их улицы, потом повернуть на центральный проспект маршала, дойти до дома городского головы и свернуть в небольшой парк, за которым стояла школа. Отец отводил их в школу каждое утро, по дороге на работу в свою лабораторию. Над Зоей за это посмеивались, но она мужественно терпела. Насмешки одноклассников не были злыми. Их класс был дружным и добрым.

Королевский лицей занимал приземистое трёхэтажное здание за оградой королевского парка. Он чем-то напоминал старый форт, давший название городу: приземистое, с бастиянами на углах главного корпуса, высокими окнами-бойницами и парапетом на пологой крыше. Бок здания, выходящего на сторону города, украшали медальоны с портретами великих умов королевства. Все они, как один, белые и гордые, смотрели куда-то в бок, в сторону столицы.

Утром Зоя умыла и причесала близнецов, пока отец гладил их школьные платья. В Лицее была своя форма и им, как поступающих на казённое содержание, она полагалась от школы. Зоя пыталась представить, как девочки будут жить: одни, вдали от отца и сестёр, среди детей и учителей, привыкших к деньгам и власти. В их классе учился сын

Отец ловко гладил одной рукой тёмные платья. После войны мало кто удивлялся человеку на костылях, с изувеченным лицом или телом, без пальцев или без одной руки, как отец. Были несчастные, потерявшие зрение или вовсе без конечностей. Когда они приехали в форт Алеш, война только-только закончилась. Чтобы отразить марш Нерождённых к столице, генерал Зимина собрала всех, кто мог держать оружие. Полину на два месяца забирала во вспомогательные войска, а Ларин с другими девочками-подростками рыли укрепления за Куликовой горкой. Зоя была слишком маленькой, поэтому просто сидела с близнецами и ещё пятью ребяташками соседней, как самая старшая. Ей было всего одиннадцать и она не думала, как ей тяжело. Всем вокруг было тяжело. Зоя не видела большой разницы между собой и этими уставшими немолодыми женщинами, и больше грустила о мёртвой маме и сестрёнке.

У них иногда спрашивали, воевал ли отец. Отец честно отвечал, что немного. Он защитил своих детей, когда Нерождённые разоряли побережье. Тогда же потерял руку, и вместе с детьми был вывезен в тыл. Вот и вся скорбная история героизма Варды Добрынина.

Папа рассказывал, что ему повезло убить одного Нерождённого. Он был волшебником, и ему верили. Правда же была лишней в их образе беженцев с побережья.

Зоя причесала обеих близняшек, потом завязала галстук отцу.

-- Слушай, а как ты будешь собираться, когда я перееду? -- Зоя только сейчас по-настоящему поняла, что отец останется в их новой квартире совсем один.

-- Куплю себе галстук на резинке или буду ходить без него.

-- А готовить?

-- Думаю, я не умру на сосисках и кашах. Не смотри так.

-- Нет, пап, мы не подумали, как ты будешь... Давай я буду ездить в университет отсюда? Буду раньше вставать...

-- Нет и ещё раз нет. Ты не думай, что в Университете будет легко учиться. Ты легко поступила, а твои сёстры создали у тебя иллюзию, что в его стенах сплошь веселье и курьёзы в лабораториях. Первые два года ты головы от учебников поднять не сможешь, особенно если захочешь перевестись в школу Поли.

Зоя сглотнула. О своём желании попробовать перевестись в школу магии она никому не говорила. Три года назад Ларин объявила о своём плане поступить так же, но, насколько Зоя знала, документы на перевод весной так и не подала, а после сессии сразу же уехала на практику в горы. Зоя пыталась убедить себя, что сестре просто понравилось в геологической школе, но всё же...

Отец мягко улыбнулся и погладил её по голове, как маленькую.

-- У Ларин всё получится. И у тебя тоже.

Зоя так не думала. Лара была умнее неё, да ещё не такая трусиха. Зоя половину детства с ужасом ходила в лавку за хлебом, пока не сменилась продавщица. А уж что говорить про университет?..

-- Мм, какие милые девочки, -- мужчина

Утром Зоя забежала в газетную лавку купить новую главу "Теней над водами". Но новинку не завезли, газетчица развела руками: Зоя была не первой, кто её спрашивал. Перед парой Аля пожаловалась, что смотрела в трёх лавках -- и во всех ничего не было. "Тени" таинственно пропали.

-- Вот увидите, -- бросил Кира, когда они рассаживались, -- это по приказу королевы или икого-нибудь из дворца

-- Да ну, глупость какая. Зачем запрещать простой роман?

-- А

За обедом весь Университет уже знал, что ночью

-- Я изучаю народы

Фрагмент с объявлением Самозванки

Новость о том, что одна из младших дочерей Ирины жива, быстро затмила все остальные. Великие Боги, кому интересен арест какого-то министра и газетного редактора, когда тут такое? Радиостанции захлёбывались, раз за разом рассказывая о

событиях в Сером Холме. Городская радиостанция же молчала о случившемся. Государственная станция "Голос" -- тоже. Только в четыре часа упомянули некие волнения в Сером Холме, ради которых сейчас собралось правительство и старшины Верховного Совета.

В университете побросали работу и кинулись обсуждать, может ли девочка с Юга и правда быть той самой спасённой дочерью Ирины. Может ли она доказать, что она дочь королевы? Хватит ли анализа крови? Или придётся прибегнуть к более сложным манипуляциям? Признает ли её Рубиновый Трон?

Полина в разговорах не участвовала и ждала звонка из Дворца. Но её не вызывали и не вызывали. В пять вечера она плюнула, скомканно со всеми попрощалась и, отговорившись врачом, ушла.

Сенсацию перепечатали вечерние газеты. Полина купила свежий, гадко пахнущий типографией номер "Столички" и прочитала передовицу, пока тряслась в трамвае.

"Выжившая во бойне во Дворце?!" гласил заголовок. Под ним располагалась цветная фотография: девочка с тяжелой челюстью и большим носом смотрела куда-то в сторону от камеры. Разглядеть "пронзительные янтарные глаза покойной королевы" Полина так и не смогла. Девочка как девочка. Отдельно прилагалось фото чьих-то с тяжелым перстнем из золота и лазурита. На лазурите смутно угадывался какой-то рисунок. Может быть герб, а может быть, и нет.

Её сосед читал дорогой "Вестник", как раз на развороте с тремя цветными фотографиями королевы Ирины с лазуритовыми украшениями. На первом фото она была совсем юной, не старше двадцати лет, с большим животом и согнувшимися под тяжестью дюжины ожерелий плечами.

Полина скомкала газету, вышла из трамвая и остаток пути прошла до дома пешком.

-- Как ты думаешь, что будет? -- она набрала номер отца. Варда, к счастью, оказался уже дома.

"Чтобы не случилось, это нас не касается. Тебя не вызывали во дворец?"

-- Нет, похоже, у них и без меня там дел сейчас хватает. Серый Холм -- это же совсем рядом. Если там появилась самозванка, то значит, они подготовились. Гарнизон, наместник, охранение.

"Восстали. Только что передали по радио. Хочешь интересную историю?"

-- Интересней восстания?

"Девочки сказали, что эта новоявленная принцесса -- дочка младшей Зиминной".

-- Их директриссы?

"Да. Странный ребёнок, мать держала её на коротком поводке, постоянно ругала и ничего не разрешала. Они попытались с ней подружиться, но Зимина пригрозила их исключить".

-- Ты ничего мне такого не рассказывал.

"Тогда мне казалось, что мы с этой женщиной договорились, чтобы она отстала от девочек".

-- Пап, может быть, нам с Зоей того, к тебе приехать? -- Полина провод закончился, а свободной от его колец осталась целая фаланга пальца. Это почему-то ужасно нервировало. Её вообще всё нервировало.

"Поля, это не наша проблема. У нас есть королева, у королевы есть генералы, армия, охранения, есть жених, есть вассалы".

-- Надеюсь, ты прав.

“Приезжайте с Зоей на выходные. Попьем чай, сходим в лес.

Виктор

На заседание он не поехал и не разрешил отвезти племянников. Вместо этого они почти три часа провели с нотариусами и Мироном Мелентьевичем, разбирая бумаги. Суд признал его опекуном над всеми четырьмя детьми.

Было что-то чудовищно ироничным, что и Марта, и Елена в своих завещаниях просили в случае несчастья и полного сиротства детей сделать опекуном именно его. Марта была умницей, и все денежные дела

Но главное, что Викто

Как сказать детям, что они теперь сироты. Как сказать, что мама и папа одних убили маму и папу других. Как сказать им, чтобы они друг друга не возненавидели. Как сказать, что

Полина

По традиции, успешно защитившиеся адепты устроили в

Грохот и ор стояли невообразимые. Она попыталась pfrhs

Королеву Ирину и её семью хоронили в спешке. По протоколу Зиминной, их кое-как уложили в первые же доставленные во дворец гробы и закопали в одной могиле у стены склепа старого короля Яслава. После войны могилу придавили толстой мраморной плитой с перечислением имён всех похороненных и лицимерными

Эксгумация останков

Королеву Ирину и её семью хоронили в спешке. По протоколу Зиминной, их кое-как уложили, как были, в первые же доставленные во дворец гробы и похоронили в одной могиле у стены склепа старого короля Яслава. После войны могилу придавили простой мраморной плитой с перечислением имён всех похороненных. Перезахоранивать покойниц не стали, да никто из королевского семейства не хотел связываться с трупом Ирины.

Вскрывали могилу пятеро королевский гвардейцев с лопатами и служитель кладбища по имени Лем. Полина не видела под маской его лица, но судя по голосу и мелко подрагивающим рукам, он был очень и очень молод.

Кроме Полины королева привела с собой королевского мага Ильтира и советника Левичева. Ильтир пришел укутанный в тяжелую шерстяную шаль и с красным от насморка носом. Постоянно чихая и шмыгая носом, он поднял плиту и откинул её в сторону, на клумбу. Белый камень от такого обращения раскололся на две половины и покрылся трещинами.

-- Мошенники, -- чихнул Ильтир, когда заклинание спало, и плита из белоснежного монолита превратилась в россыпь серых обломков.

-- Определённо, -- Левичев тронул ботинком один из обломков. -- Как они это сделали? Склеили обломки?

-- Думаю, скорее укрепили плохую глыбу. Так дешевле, -- ответила Полина. Ильтир высморкался и уставился на рельефы короля Яслава. Левичев медленно кивнул и что-то записал в свой блокнот.

Королева ничего не говорила молча смотрела, как под руководством хранителя Лема раскапывают могилу. Полине стало очень неудобно. Солнце уже почти касалось холмов за Мостом, с озера дул прохладный ветер, и она поёжилась. Если бы знала, взяла бы куртку потеплее.

Если бы знала, сказала бы больной и не приехала.

Где-то вдали часы пробили семь.

Если бы знала, то... Полина не знала, что бы она сделала. Не пришла? Пришла? Вела бы себя по-другому? Да нет. Она бы хотела знать, что эксгумация случилась.

Одна из лопат ударилась о крышку гроба.

-- Будете смотреть? -- робко спросил хранитель Лем. С озера налетел порыв ветра и едва не опрокинул жреца. Тот спешно прижал к груди равнувшие листы протоколов.

-- Буду. Вытаскивайте и вскрывайте.

-- Может быть, вызывать... кого-нибудь? -- предложила Полина. -- Каких-нибудь следователей или врачей.

Королева недоумённо приподняла брови.

-- Плевать, я хочу знать, что в этих гробах лежат двое детей. Уж их мы на вид сможем отличить!

-- Если Зимина похоронила подложные трупы, то что мешало ей найти трупы детей?

Королева нахмурилась.

-- А откуда она могла их взять? Во дворце разве были ещё дети?

-- Я не знаю, светлейшая. Но если она уже тогда задумала этот заговор, то могла и подготовиться, -- Полина слишком поздно поняла, что именно она несёт и прикусила язык. Теперь, если внутри будут лежать детские тела, королева не успокоится. С другой стороны, а какая разница? Самозванная принцесса на подступах к столице.

-- Полина Вардовна, почему вы считаете, что принцессы могут быть живы? -- оживился Левичев.

-- Я? Я ничего не считаю. Но полстраны у нас уверено, что уж одна из младших точно жива. Как вы планируете их переубедить, если там всё-таки кто-то похоронен?

Левичев как-то сдулся. Полина злорадно подумала, что это не ловить дураков с глупыми шутками о королевской коротконогости. Ещё пара недель -- и болтаться ему в петле над воротами рядом со своей королевой.

Хорошо будет, если её рядом не повесят.

Гвардейцы подняли гробы, один за другим. Хранитель Лем бежал вокруг них и пытался соотнести гробы с указаниями на своей схеме, но всё равно все ящики перепутались.

Одиннадцать гробов.

-- Их должно быть девять! -- растерянно сказал хранитель Лем, глядя то в свои бумаги, то на гробы. Солнце опустилось ещё ниже, и на королевское кладбище упала тень. Хранитель снял маску -- и действительно оказался очень молодым, ещё мальчишкой чуть старше Зои. Полине даже стало его немного жалко.

-- Откуда два лишних гроба? -- буркнула королева. -- Павел Истомич, кто это?

-- Не знаю, -- Левичев зачем-то внимательно смотрел на сморкающегося Ильтира. -- Может быть, кто-то из придворных.

-- В бумагах о них ни слова! -- хранитель Лем развернул к ним лист бумаги со схемой. Порыв ветра чуть не вырвал лист из его рук.

-- Плевать кто там, -- королева растёрла озябшие руки. -- Может быть, какую горничную подложили. В ту ночь многие пропали. Главное, чтобы в остальных лежали, кто надо. Вскрывайте давайте!

Юноша поддел крышку первого гроба ломом. Руки у него дрожжали, и открыть ящик вышло не сразу.

Внутри лежали останки маленькой женщины -- или девочки подростка -- в остатках кружевного домашнего платья. Кожа сплзла с тёмного черепа, а рядом с ним лежали клочки рыжеватых волос.

“Мариана” -- как-то отстранённо подумала Полина.

-- Так, это... -- королева, не поморщившись, заглянула в гроб. -- Это, наверное, какая-то из старших. Голова большая. Павел Истомич, как думаете?

-- Не знаю, матушка, -- Левичев прижал к носу платок и тоже заглянул в гроб. Глаза у него остались холодными. -- Надо все вскрыть.

В следующем гробу лежала рослая женщина в сильно обгоревшем платье королевской девицы. Кусок рукава был пыльного бирюзового цвета.

-- Это лишняя. Давайте, давайте!

В следующем гробу лежал мужчина. Голова у него была разможжена и рассыпалась на осколки, когда гроб вытаскивали из ямы. Зато его платье отлично сохранилось: он был одет в нарядный мундир королевского рыцаря с красными полосами и огромными золотыми эполетами сияли в свете ламп.

-- Князь Стрешнев? -- предположил Левичев.

— Это не королевский супруг, — буркнула Ангелина. — Это дядя Леня нашелся.

— Королевский супруг был из числа рыцарей, — напомнила Полина, не убирая платка от лица

-- Он был магом, а потом уже рыцарем.

Хранитель Лем ещё раз сверился со списком захороненных.

— В самом низу лежали тела королевы и старших принцесс, — он перевернул страницу. — Тела королевского супруга и младших принцесс — сверху.

— Это не королевский супруг, — буркнула Ангелина, глядя на единственного мужчину среди трупов. Мундир королевского рыцаря с красными полосами и огромными золотыми эполетами сияли в свете ламп. — Это дядя Леня нашелся.

— Королевский супруг был из числа рыцарей, — напомнила Полина. Свежий воздух относил затхлый запах в сторону, но платка от лица она не снимала.

-- Нет, у него усы, -- королева указала на голову труа. -- Как у дяди Лёни. Уверена, это он. Хранитель, можно его как-то опознать? Сделать какой-нибудь анализ?

Хранитель захлопал глазами.

-- Можно, -- ответил вместо него докторша. -- По зубной карте. Если она сохранилась, то наверняка проблем не будет.

-- Значит, надо их всех проверить. Полагаю, мы только что нашли большую часть без вести погибших в пожаре, -- Ангелина посмотрела на труп Ирины. -- Это точно тётя, её волосы. Но остальные...

-- Точно не малолетние дети, -- протянула Полина.

-- Именно. Значит, вот прямо сейчас, где-то живут дочери Ирины. Сколько им уже должно быть лет? -- королева оглядела окружающих. Полина покачала головой, мол, она-то откуда знает.

-- Младшей Ангелине было полтора года, значит, сейчас лет девять. Близнецам по четырнадцать, Ангелине Старшей семнадцать, -- протянул хранитель Лем, косясь на надгробную плиту.

-- А Ирине Младшец -- тридцать. Тридцать лет!

-- Если она жива, то почему за все эти годы не предъявила права на трон? -- пробормотала Полина. -- Ей двадцать лет было точно.

-- Младшая была безумна. Она не в счёт. Кто потащит на трон сумасшедшую, -- Ангелина наморщилась. -- А вот Кинтира бы подошла. Ей уже должно быть двадцать. Что ж, вот и объяснение.

-- Объяснение чему? -- Полина отошла от гробов.

-- Тому, зачем все эти слухи, вся эта тупая книжка.

Королева потеряла всё изящество и шла, тяжело топая ногами. На лестнице во дворец она подняла и скомкала в кулаках юбки, чтобы не мешались.

-- Полина, скажите

Королевская школа боевых магов

-- Ноги моей там не будет, -- отрезала Полина. -- Хотите -- исключайте из Университета. Поеду в Сай-Град или Серый Холм.

